

КНИГА ГОСУДАРЯ

АНТОЛОГИЯ политической МЫСЛИ

Александрйская библиотека

**И. Гончаров
Роман Светлов
Книга Государя. Антология
политической мысли
Серия «Александрйская библиотека»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11820655

*Книга Государя : Антология политической мысли / [вступ. ст. Р. Светлова и И. Гончарова ; сост.,
подгот. текста, коммент. Р. Светлова, И. Гончарова]: Амфора. ТИД Амфора; СПб.; 2009
ISBN 978-5-367-01077-0*

Аннотация

В антологию вошли замечательные памятники политической мысли, посвященные искусству государственного управления. Среди них – знаменитый трактат Н. Макиавелли «Князь» и не менее знаменитый опыт опровержения – «Анти-Макиавелли», малоизвестное в России сочинение прусского короля Фридриха Великого.

Содержание

Государь жив?	5
Древний Восток	8
Искусство наказания	8
Артхашастра[3]	11
Первый отдел	11
Раздел 1. Определение наук	11
Раздел 2. Общение с учеными	12
Раздел 3. Победа над чувствами	13
Раздел 4. Назначение министров	14
Раздел 5. Назначение главного советника и домашнего жреца	14
Раздел 6. Испытание честности и нечестности министров посредством хитростей	15
Раздел 7. Назначение тайных агентов	16
Раздел 8. Применение тайных агентов	17
Раздел 9. Наблюдение в своей стране за партиями людей преданных и людей, предательски настроенных	18
Раздел 10. Привлечение во вражеской стране партий людей преданных и людей, склонных к предательству	19
Раздел 11. Значение совещания	20
Раздел 12. Правила для послов	22
Раздел 13. Наблюдение за царскими сыновьями	23
Разделы 14 и 15. Поведение находящегося в удалении [царевича] и поведение [царя] по отношению к удаленному [царскому сыну]	25
Раздел 16. Обязанности царя	26
Раздел 17. Предписания для царского жилища	27
Раздел 18. Охрана особы [царя]	28
Шестой отдел	30
Раздел 96. О совершенстве основ государства	30
Раздел 97. О мире и труде	30
Разделы 101 и 102. Применение методов политики [царем], равным [врагу], более сильным и более слабым. Заключение мира более слабым	33
Античность	35
Честолюбцы и «первые среди равных»	35
Ксенофонт	41
Платон	51
Книга восьмая[47]	51
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Книга Государя. Антология
политической мысли
сост. Р. Светлов, И. Гончаров**

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы
«Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

© Светлов Р., комментарии, 2004

© Гончаров И., комментарии, 2004

© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2004

Государь жив?

Владыка, чье прорицание в Дельфах, и не говорит, и не указывает, а подает знаки.

Гераклит

Тысячелетия истории учат нас, что самая эффективная форма власти – та, что осуществляется втайне. Тайный властелин неуязвим для общественного негодования, ибо, восставая против какого-либо решения властей, мы обращаем свое возмущение не против скрытого владыки, а против подставных фигур. Самыми могущественными оказываются идеи, которые возникают как будто бы ниоткуда, хотя охватывают миллионы людей – мы все переживали это явление полтора десятилетия назад. Цели общественного развития в таком случае становятся понятны, лишь когда Властитель завершает свой труд – оставаясь все тем же Анонимом, Великим Никем.

О том, что именно такая форма правления самая эффективная, знали уже давно. «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует...» – писал великий китайский мудрец Лао-цзы. Древнеиндийские мудрецы полагали, что происхождение царской власти – тайна даже для богов. В исламе до сих пор существует идея «скрытого имама», и те, кто ее исповедует, сами являются великими конспираторами. В христианстве еще в Средние века возникло активно оспариваемое Церковью учение о тайных потомках Христа, которые являются подлинными владыками мира, и об избранных династиях, в чьих жилах течет кровь Богочеловека.

Всем показалось, что в XIX веке началась эпоха кризиса единоличной власти. Фигура Государя скрылась за фасадом конституционных норм, раздробилась в разделении властей. Право древней крови на власть сменилось вначале идеей национальной гордости, а затем – системами ценностей, имевшими необычайно широкий «социальный» спектр – от большевизма до «Американской мечты». Общество стало открытым, жизнь государя – публичной. Особенно это заметно по представителям королевских династий, которые восседают на престолах в некоторых европейских странах. Будучи «лицетворением нации», неся исключительно представительские функции, они превратились в напоминание о чем-то, что давно уже забыто, в картинку с поздравительной открытки. Скандальное внимание к их личной жизни свидетельствует не об отождествлении с этими людьми целых наций, как нас пытаются убедить, а о здоровом обывательском желании покопаться в грязном белье соседа. Тем более что в данном случае белье выставлено на всеобщее обозрение.

В наше время расхожая ученая точка зрения состоит в растворении правителя в обществе – подобно тому как у модных современных литературоведов автор растворяется и умирает в тексте. Власть стала для современных европейских социологов, политологов, философов всего лишь функцией общественного организма. Соответственно, ее носители превратились в выражение этой функции – не более чем.

Государь умер?

Не в большей степени, чем Бог, которого «умертвили» еще в XIX веке, или Писатель, буквально-таки заталкиваемый в склеп в течение всего XX столетия. Прошлый век дает нам массу примеров возвращения единоличного правления: Сталин, Гитлер, Мао Цзэдун, Саддам Хусейн были столь могущественны еще и потому, что они взяли в свои руки власть над информацией. Закрывшись от подданных, они стали священными существами, подобно царям-божествам Древнего Египта или Вавилона. Информационные потоки обеспечили миф о них – по крайней мере на время жизни этих правителей.

Ни власть, ни те, кто ее воплощает, не исчезли – и не исчезнут. Меняются только способ подачи и форма закрепления ее в человеческом сознании. Реальность же власти остается неизменной. Государство как деликатный «ночной почтальон» – наивная мечта, которую давно пора забыть. В эпоху информационного общества власть приобретает новые, более утонченные и оттого более действенные формы.

Сейчас модно утверждать, что «основной инстинкт», сидящий в нас, – это смерть или секс. Пожалуй, это не так. Еще древние греки, назвавшие человека «политическим животным», понимали, что основной инстинкт – стремление к власти, которое не стоит считать примитивным желанием командовать и подчинять. Власть по глубинной своей природе сродни творчеству. Она – высшая форма самоутверждения; никто в такой степени не переживает каждое мгновение своей жизни, как тот, кто ощущает бремя власти на своих плечах. И нет больших соблазнов, чем те, которые дарует власть. Государь творит – во благо ли, во зло ли. Иначе он не государь, а лишь видимость, призрачный силуэт в исторических анналах.

Как вода, власть везде пробивает себе дорогу. Там, где ей путь преграждает плотина в виде либерально-демократических или социалистических ценностей, она идет глубже. Воздействует на низменные инстинкты толпы – как это было в обществах XX века, с легкостью становившихся тоталитарными. Или же формирует скрытый центр силы, существующий под пологом мифа о смерти Государя.

Будем честны перед самими собой: много ли руководителей государств в наше время похожи на тот образ Государя, который нам знаком из исторических преданий? Дело ведь не только в конституционных рамках, которые ограничивают их власть. Когда вспоминаешь примеры из нашего недавнего прошлого или глядишь на нынешних «Больших Друзей» России, в голову приходят самые разные мысли об избирателях. А может быть, дело в другом: в современном обществе намеренно создается карикатурное представление о власти. Мол, занятие политикой – дело грязное и смешное одновременно. Но ведь кто-то ею занимается, и занимается успешно...

Государь жив?

Уверены, что так и есть. Может быть, он (они) не похож на Цезаря или Наполеона. Но властные отношения никуда ни исчезли, как не исчезли их центры. Сохранились утопические представления о благом государственном строе, но никуда не исчез совсем не благой облик «реальной политики». Если политика для нас останется родом телевизионного или театрального шоу, то мы останемся в роли зрителя и даже не заметим того момента, когда телевизионная и интернет-реальность начнут править нами.

Грандиозная дистанция между временем, в которое мы живем, и эпохой создания платоновского «Государства» или индийской «Артхашастры» иллюзорна. Изменяются людские мнения о Государе, ученые представления о его функциях и отношениях с обществом, усложняется информационное поле, в котором он пребывает. Но базисные вещи остаются столь же простыми, как и во времена Цинь Шихуанди или Александра Македонского. Есть инстинкт власти и есть обязанности, которые за собой эта власть несет. Существуют правила игры, которые варьируются от эпохи к эпохе и от культуры к культуре, однако в основании своем остаются одними и теми же.

При составлении «Книги Государя» мы стремились решить две задачи. Во-первых, дать сводку самых важных мыслей, посвященных природе Государя. Во-вторых же, не превратить антологию в череду исключительно теоретических сочинений, делающих честь остроте ума их создателей, но являющихся предметом интеллектуального удовольствия – и не более того. Читатель должен войти в сферу политического опыта, прикоснуться к технике принятия решений.

Именно поэтому нами отобраны важнейшие тексты, посвященные феномену власти и представляющие основные исторические эпохи – от индийского трактата «Артхашастра» («Искусство пользы») до мемуаров Бисмарка, величайшего политика Новой Европы. Как и любая антология, настоящее издание не имеет целью охватить вообще всю государственную теорию и весь политический опыт. Однако нами отбиралось самое важное и показательное: то, что позволит оценить происходящее в современном мире более трезво.

Именно поэтому мы оставили за скобками сочинения XX столетия: они слишком «ангажированы» современными социальными и политическими теориями, чтобы стать беспристрастным источником опыта. Средние века с их концепциями божественного предназначения царской власти также остались за пределами нашей антологии. В сущности Средние века лишь повторяли на свой лад утопические рассуждения античного мира, следуя «реальной» практике эллинистических царей и римских императоров.

Особую роль в сюжетной структуре антологии имеет переключка «знаковых» произведений мировой политической мысли: древнеиндийской «Артхашастры», «Государства» Платона, «Князя» Никколо Макиавелли и «Анти-Макиавелли», принадлежащего перу великого прусского государя Фридриха II¹. Небольшой диалог Ксенофонта «Гиерон» дополняет образ человека, обладающего абсолютной властью. Фрагмент из мемуаров Бисмарка показывает нам «реальную политику» на пороге Новейшего времени.

Р. Светлов, И. Гончаров

¹ «Анти-Макиавелли» печатается на русском языке всего лишь во второй раз: первое издание относится к 1779 г.

Древний Восток

Искусство наказания

Восточные традиции искусства государственного управления настолько разнообразны, что рассмотреть их все в кратком обзоре попросту невозможно. Китай, Индия, Ближний Восток развивались в собственных религиозных, этнических, политических ситуациях, а история их государственности насчитывает многие тысячелетия.

Поэтому нам остается только говорить об уроках, которые современный человек может извлечь из той эпохи, когда впервые был поставлен вопрос об искусстве государя, его природе и предназначении.

Строго говоря, нашу антологию следовало начинать с Китая. В философских и политических школах, которые возникали в Китае начиная с VI века до н. э., были открыто сформулированы требования, которые современные политики даже не рискуют произносить вслух.

Так, с одной стороны, Конфуций предлагал бороться с невежеством населения, полагая, что образованный народ, сознательно исполняющий требования государственного этикета и морали, будет счастливо жить под руководством государей-мудрецов. Для Конфуция правление было исправлением нравов, поведения, суммы знаний, которым обладал народ.

Наоборот, Лао-цзы, легендарный основатель даосизма, считал, что образованный человек несчастен: «Если не ценить мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то сердца народа не станут волноваться. Поэтому, управляя, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а их желудки – полными. Он ослабляет их волю, зато укрепляет кости. Он всегда стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знания не смели бы действовать...»

Абсолютная простота жизни, к которой призывали даосы (в III в. н. э. даже пытавшиеся создать на территории Китая теократическое государство), была связана с идеей Дао-Пути – ей были чужды усложненные и искусственные нормы жизни тогдашнего китайского общества.

Используя схожие идеи, еще одна школа, школа «законников», предложила использовать необразованность подданных не для их счастья, а для поддержания порядка и процветания государства. «Законники» предлагали использовать ради государственных идеалов даже самые низменные инстинкты людей. Один из самых знаменитых ее представителей, Шан Ян, так формулировал метод управления: «Надлежит во всех делах следовать закону, а награждать согласно личным заслугам. Стремление заполучить ранг знатности или жалованье толкает людей на безрассудную храбрость в бою. Управляя государством, умный правитель должен: по отношению к воинам – награждать заслуженных за обезглавленных или плененных ими противников достойным рангом знатности, назначать им жалованье, достаточное для жизни; по отношению к земледельцам – сделать так, чтобы они не покидали своих земель, чтобы они могли прокормить своих родителей и управляться со всеми семейными делами. И тогда воины будут сражаться, презрев смерть, а земледельцы перестанут лениться».

Однако в выдающемся древнеиндийском сочинении «Артхашастра» мы видим, как идеи, схожие с теми, что проповедовали китайские философы, соединяются в гармоничную и непротиворечивую картину искусства государственного управления.

Мы подобрали для публикации наиболее характерные разделы из этого сочинения. Создание «Артхашастры», энциклопедического памятника древнеиндийской политической

мысли, обычно приписывается мудрецу Каутилье, являвшемуся советником при легендарном царе Чандрагупте, основателе империи Маурьев (318–291 до н. э.).

Хотя традиция, приведшая к появлению «Артхашастры», могла действительно возникнуть в эпоху Маурьев, данный текст сложился окончательно, думаем, лишь в III–IV веках н. э. Во всяком случае те политические комбинации, о которых идет речь в книге, были возможны лишь во времена отсутствия не только единой державы, но и гегемона хотя бы на севере Индостана. Именно такое положение характерно для III–IV веков², и именно на него рассчитано искусство лавирования и создания коалиций, проповедуемое в разделах «Артхашастры», которые посвящены внешней политике.

Название «Артхашастра» может быть переведено на русский язык как «Искусство пользы (выгоды)». Избрание пользы как центрального понятия для политического труда дает представление о понимании феномена власти в древней Индии. Дело политика по сути не отличается от дела обычного человека. И тот и другой стремятся к соблюдению божественного закона (дхармы) – что ведет к улучшению их кармы, к любовным наслаждениям, естественность природы которых в Индии не подвергалась сомнению, а также к достижению выгоды: то есть к накоплению средств существования, получению авторитета, возможности быть хозяином, а не подданным.

Ни любовные удовольствия, ни соблюдение мирового закона-дхармы невозможны без достатка и влиятельного положения. Богач, в распоряжении которого гарем и казна, служащая неисчерпаемым источником для даров, вручаемых брахманам, находится в куда лучшем положении, чем банкрот, чье семейство продают в рабство за долги.

Это же верно и относительно царей («раджей»). Только накопивший богатства, одолевший врагов, заключивший выгодные союзы государь способен жить счастливо и соблюдать закон на всей территории, которой он владеет. Подобного царя в Индии могли считать богоподобным, а порой и земным воплощением какого-либо из богов индуистского пантеона.

В великом индийском эпосе «Махабхарата» утверждается, что царская власть существует ради направления людей к дхарме. Поскольку, по мнению большинства индийских религиозных школ, современный человек живет в век, именуемый «Кали-юга» (то есть «Черный»), для которого характерны нравственное разложение человечества, утрата праведности, рост гордыни, лживости, зависти и прочих низких душевных качеств, верховный бог Брахма создал институт царской власти. Цари исполняют роль праведных судей, обладающих священным по своей природе положением. Как говорит мудрец Бхишма в той же «Махабхарате»: «К дхарме людей ведет наказание; говоря по-иному, наказание правит всем. Именно поэтому наука управления известна в трех мирах как наука о наказании».

Царские роды – особенно в индоарийских государствах – возводили свои корни к божественным предкам. Наибольшим почтением пользовались так называемые Солнечная и Лунная династии. Первая происходила от бога Солнца (Вивасвата), а вторая – от владыки Луны (Сомы). К первой причисляли знаменитого героя Раму, ко второй принадлежал прославленный той же «Махабхаратой» род Пандавов. Обладая благодаря своим божественным предкам особым статусом, цари, происходившие из варны кшатриев, могли утверждать, что кровь, текущая в их жилах, делает их выше брахманов.

Отсюда понятно, что проповедуемый брахманами или буддийскими вероучителями закон-дхарма для правителя является только лишь одной из сторон его жизни. В результате в «Артхашастре» мы видим требование не нарушать дхарму лишь в пределах своей страны. Во всех других отношениях дхармой становится польза.

Люди, создавшие «Артхашастру», были не мечтателями-утопистами, а вполне здоровыми людьми. Политика имеет определенный набор инструментов, и царь *обязан* поль-

² Перед установлением власти Маурьев практически всю долину Ганга контролировала династия Нандов.

зоваться ими всеми – хотя бы потому, что враждебный монарх обладает тем же набором возможностей. Сюда входят и дипломатическая игра, и составление коалиций, и война, и шпионские операции, и создание раздора в семействе соседнего правителя, и отравления, и изощренная магия.

Пожалуй, самое лучшее объяснение столь странной для европейского читателя вещи, как совмещение верности закону-дхарме и одновременно откровенный рассказ о методах, которыми возможно достижение успеха в политической деятельности, содержится в знаменитой «Бхагаватгите», описании беседы царевича Арджуны и Кришны, воплощения верховного божества. Кришна призывает Арджуну, засомневавшегося в правильности своего выбора перед апокалиптическим сражением на поле Куру, не расценивать происходящее исходя из человеческих представлений о добре и зле. Полководцы, ведущие армии в бой, и государи, отправляющие в стан врага шпионов-отравителей, – все это люди, вершащие промысел богов, ближайшие действия которых человеку не ясны, зато конечным их результатом станет утверждение воли Небес. Именно поэтому сомнение в сфере государственной или военной является большим грехом перед богами, чем использование всех подручных средств ради достижения успеха.

В «Артхашастре» речь идет о том же самом. Лишь поднявшийся до высшей степени отрешенности от собственных, личных оценок происходящего, от привычного понимания дхармы правитель способен беспристрастно избирать средства для получения пользы и достигать результатов, угодных богам и выгодных его державе.

Пожалуй, во всей западной культуре столь же откровенным будет только Никколо Макиавелли.

Р. Светлов

Артхашастра³

Первый отдел О правилах поведения

Раздел 1. Определение наук

Глава 3. Установление места учению о трех ведах

Самаведа, Ригведа, Яджурведа составляют троицу (вед). Атхарваведа и Итихасаведа тоже веды⁴. Учение о произношении, обрядовый ритуал, грамматика, этимология, метрика, астрономия – это вспомогательные науки.

Этот закон троицы вед полезен тем, что устанавливает свои законы для каждой из четырех каст и для каждой из четырех ступеней жизни⁵.

Закон для брахмана – учение, обучение, жертвоприношения для себя и для других, раздача даров и их получение. Закон для кшатрия – учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ. Закон для вайшьи – учение, жертвоприношение, раздача даров, земледелие, скотоводство и торговля. Закон для шудры – послушание и ведение хозяйства в повиновении у дваждырожденных⁶, ремесло и актерство.

Закон для домохозяина – добывание средств к жизни соответствующей ему работою, брак в равной семье, но с разными предками, (после брака) половые сношения в установленном время, раздача даров богам, предкам, гостям, слугам и поедание остатков от жертвоприношений.

Закон для ученика – учение, поддержание священного огня, омовения, обет нищества, служение учителю до конца жизни, после его смерти сыну учителя или соученику. Закон для удалившегося в лес – половое воздержание, ложе на земле, ношение косы, одевание в антилоповую шкуру, поддержание жертвенного огня, омовения, почитание божеств, предков, гостей и лесная пища. Закон для странствующего отшельника – обуздание чувств, прекращение (всяких) действий, отсутствие собственности, прекращение общения с людьми, принятие милостыни, жизнь в лесу в разных местах, чистота внешняя и внутренняя. Закон для всех – отсутствие насилия, правдивость, чистота, независтливость, незлобивость, прощение и терпение. Соблюдение (каждым) своего закона ведет на небо и к вечности. При его нарушении мир погибает от смешения каст. Поэтому пусть царь не допускает нарушения своего закона живыми существами, ибо соблюдающий свой закон радуется здесь

³ Перевод С. Ф. Ольденбурга, Е. Е. Обермиллера.

⁴ *Веды* – классические тексты древних индийцев, считавшиеся боговдохновенными и священными. Древнейшим таким сборником является Ригведа (Веда гимнов), создававшаяся, видимо, в XVI–IX вв. до н. э. Самаведа (Веда напевов), Яджурведа (Веда жертвенных формул) и Атхарва-веда (Веда заклинаний) возникли позже, в IX–VII вв. до н. э. *Итихас-веда* – общее название для эпических поэм (итихас), например – «Рамаяны» или «Махабхараты», которые также считались боговдохновенными.

⁵ *Четыре касты* (четыре варны) – в данном случае четыре основных сословия: брахманы (жрецы), кшатрии (царивоины), вайшьи (земледельцы), шудры (неприкасаемые). *Четыре ступени жизни* – детство, молодость, зрелость, старость.

⁶ *Дваждырожденные* – три высшие касты, которым было дозволено посвящение в различные науки и жреческие виды знания. Приобретение знания приравнивалось ко второму рождению.

и после смерти. Ведь мир с твердо установленными разграничениями между ариями, при установлении каст и ступеней жизни, охраняемый тремя ведями, процветает и не гибнет.

Глава 4. Установление места учению о хозяйстве и учению о государственном управлении

Учение о земледелии, о скотоводстве, о торговле составляет учение о хозяйстве. Оно приносит пользу доставлением зерна, скота, золота, лесного товара и обязательного труда. При помощи его царь подчиняет себе сторонников и врагов через казну и войско.

То, что обеспечивает сохранение и благополучие философии, троицы вед и учения о хозяйстве, есть жезл, управление им есть наука о государственном управлении, она – средство для обладания тем, чем не обладали, для сохранения приобретенного, для увеличения сохраненного, и она распределяет среди достойных приращенное добро. С нею связаны мирские дела, поэтому тот, кто хочет (успеха) в мирских делах, пусть всегда будет с поднятым жезлом. Нет ведь подобного средства удержания в своей власти живых существ, как жезл, так говорят учителя.

Нет, говорит Каутилья, ибо царь с грозным жезлом вызывает страх у существ, а у кого жезл мягкий, тем пренебрегают. Тот, кто владеет жезлом надлежащим образом, чтится. Ибо жезл, употребляемый с истинным пониманием, приносит людям чувство законности, пользу и наслаждение. Плохо употребляемый от неведения, страсти и гнева, он вызывает гнев даже у удалившихся в лес и странствующих отшельников, тем более у домохозяев. Не примененный к делу жезл создает положение как у рыб, то есть ввиду отсутствия держателя жезла более сильный поедает слабого. А охраненный жезлом преуспевает.

Люди, принадлежащие к четырем кастам и к четырем ступеням жизни, охраняются царем при помощи жезла (наказания); преданные своим обязанностям и занятиям, они благополучно живут в своих обиталищах.

Раздел 2. Общение с учеными

Глава 5

Потому три науки⁷ корнем своим имеют науку о государственном управлении. Применение жезла (наказание), основывающееся на истинном поведении, приносит живым существам благополучие. Истинное поведение бывает добытое работою над самим собою и природное. Ведь работа над самим собою воспитывает только подходящего к тому человека, но не воспитывает неподходящего. Наука воспитывает того, чей ум направлен на сущность вещей при помощи желания слушать, слушания, воспринимания, удержания (воспринятого), познавания, рассуждения за и против, но не воспитывает другого человека.

Воспитание и дисциплина являются результатом авторитетности учителей, каждого в своей науке. После того как над ребенком совершен обряд обрезания волос, пусть он приобщится к письму и счету. После совершения обряда приведения ребенка к учителю пусть он (обучится) троице вед и философии у выдающихся учителей, науке о хозяйстве – у чиновников, науке о государственном управлении – у теоретиков и практиков.

Целомудрие пусть блюдетсЯ до 16 лет, после того – обряд дара коровы при обрезании волос и брак. У сочетавшегося браком пусть будет постоянное общение с учеными для роста истинного воспитания, ибо в этом общении корень истинного воспитания.

⁷ В данном случае – науки о земледелии, скотоводстве и торговле.

Первую часть дня пусть обучается наукам, относящимся к слонам, коням, колесницам, оружию. Последнюю часть дня пусть посвящает слушанию итихасы. Итихаса это: пураны, итивритта, акхьяйика, удахарана, дхармашастра и артхашастра⁸. Остальную часть дня и ночи пусть усвоит прежде не усвоенное и повторяет усвоенное.

И недостаточно усвоенное пусть повторно слушает. От слушания ведь появляется понимание, от понимания – приложение к практике, от приложения к практике – полное самосознание. В этом сила науки.

Ведь царь, воспитанный науками, заботящийся о воспитании своих подданных, владеет землею безраздельно, радуясь благу всех существ.

Раздел 3. Победа над чувствами

Глава 6. Отвержение объединения шести врагов

Победа над чувствами, основанием которой являются наука и воспитание, достигается отвержением страсти, гнева, стяжания, гордости, безумства, высокомерия. Совпадение между чувствами уха, кожи, глаза, языка, носа и звуком, осязанием, формой, вкусом, запахом – это победа над чувствами или выполнение существа руководства. Ведь все это руководство – победа над чувствами. Царь, поступающий в противоположность этому руководству (политики), не обуздывающий своих чувств, немедленно гибнет, хотя бы он был владыкой четырех стран света.

<...>⁹

Глава 7. Поведение царя-мудреца

Поэтому пусть он достигает победы над чувствами отвержением шести врагов, общением с учеными пусть достигает разума, при помощи шпионов – зрения, напряжением – устойчивости обладания, через указание того, что надлежит делать, – установления соответствующих законов, истинного поведения – через обучение наукам, любовь у людей – умножением их имущества, содеянием добра – благополучной жизни.

Таким образом, с обузданными чувствами, пусть он отклоняет от себя [действия, связанные с] оскорблением чужих жен и похищением имущества, сонливостью, похотью, неправду, надменную манеру, вредные влечения, дела, соединенные с беззакониями или пагубные. Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается трем целям, части которых связаны друг с другом. Ибо одно из трех – закона, пользы и любви¹⁰, – чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим.

Каутилья считает, что главное – польза, ибо закон и любовь основаны на пользе.

[Для указания] границы дозволенного пусть он ставит себе учителей или министров, которые пусть отвращают его от опасных положений или, когда он тайно предаётся увлечениям, пусть они отвлекают его от этого указанием на меру времени, измеряемую тенью.

Управление царством выполняется с помощниками; одно колесо не вертится, пусть поэтому он создает себе советников и слушает их советы.

⁸ Перечисляются различные жанры текстов, служивших предметом изучения в Индии в эпоху создания «Артхашастр». *Пураны* – «предания», повествующие о праистории какого-либо племени или царского рода. *Итивритта* – «сказание», вид пуран. *Акхьяйика* – прозаическое повествование. *Удахарана* – иллюстративный рассказ. *Дхармашастра* – свод законов. *Артхашастра* – полное руководство по политическим дисциплинам.

⁹ Опускаем список мифических царей, которые погубили себя и свое потомство из-за несдержанности, неумения обуздать собственные чувства.

¹⁰ В индийской философии и в ряде религиозных учений к этим трем ценностям добавится и четвертая: спасение.

Раздел 4. Назначение министров

Глава 8

Пусть царь делает министрами своих соучеников, так как он узнал их честность и пригодность к делу, так говорит Бхарадваджа, они ведь будут пользоваться его доверием. Нет, говорит Вишалакша: ведь, как его прежние соучастники игр, они будут пренебрежительно относиться к нему. Пусть он делает министрами тех, у которых с ним общие тайные дела, потому что у них с ним общие добродетели и пороки. Они ведь не предадут его из боязни, что он знает их слабые стороны.

Этот недостаток – общий у царя и у министров, говорит Парашара. Боясь того, что они знают его слабые стороны, он станет следовать им в правильных и неправильных поступках.

Скольким людям царь обнаружит свои тайны, от стольких он будет в зависимости, потеряв власть из-за этого поступка.

Пусть он делает министрами тех, кто в опасностях, угрожающих его жизни, помогут ему, потому что так обнаруживается их преданность.

Нет, говорит Пишуна, это преданность, но не проявление ума. Он должен назначить министрами тех, кому поручены дела по счетной части и по доходам и которые их выполнили, как им было указано или с избытком, ибо на этом выявилась их пригодность.

Нет, говорит Каунападанта. Ибо эти люди не обладают другими нужными для министров свойствами. Пусть он назначает министрами людей, отцы и деды которых были министрами, так как ему известны их дела. Они его не покинут, даже в случае ошибок с его стороны, благодаря близкому знакомству. Подобное явление наблюдается и у животных: ведь коровы, минуя чужое стадо коров, остаются со своими.

Нет, говорит Ватавьядхи. Ибо эти люди, забрав все, станут поступать как господа. Поэтому пусть он назначает министрами новых людей, опытных в политике. Новые люди будут смотреть на держателя жезла как на Яму¹¹ и не совершат против него проступков.

Нет, говорит Бахудантипутра¹², знающий историю, но не знающий практики потерпит неудачу в делах. Пусть царь министрами назначает людей благородного происхождения, обладающих умом, честностью, мужеством, преданностью, так как достоинства стоят на первом месте.

Все это вполне подходит, говорит Каутилья, так как пригодность человека создается из пригодности его к делу вообще и из его специальной пригодности.

После того как распределили министерские полномочия, место, время и дело, все (с указанными свойствами) люди должны быть сделаны министрами, но не советниками.

Раздел 5. Назначение главного советника и домашнего жреца

Глава 9

Местный уроженец, развитый, легко руководимый, искусный в ремеслах, прозорливый, умный, с хорошей памятью, ловкий, красноречивый, уверенный в себе, искусный в ответах, одаренный предприимчивостью и храбростью, выносливый, честный, дружелюбно расположенный, устойчивый в преданности, доброжелательный, сильный, здоро-

¹¹ Первочеловек, ставший богом смерти, главой преисподней и одновременно верховным судьей над смертными.

¹² *Бхарадваджа, Вишалакша, Парашара, Пишуна, Каунападанта, Ватавьядхи, Бахудантипутра* – легендарные мудрецы, создатели первых сводов законов и книг о политической мудрости.

вый, стойкий, не упрямый и не легкомысленный, с приятным обращением, не ссорящийся – это совершенный министр. Лишенные четверти и половины этих достоинств – это средний и плохой министры.

Их родину и способность к руководству пусть (царь) выяснит через доверенных людей; их искусство в ремесле и остроту в научном знании – от людей одних с ними занятий; пусть выяснит ум, память и ловкость – по тому, как они приступают к работе; красноречие, самоуверенность, искусство в ответах – в разговоре; в бедствии пусть выяснит предприимчивость, храбрость, выносливость; из общения – честность, доброту, устойчивость в преданности; от сожителей пусть выяснит добродетель, силу, здоровье, стойкость, отсутствие упрямства и легкомыслия, лично – приветливость и неспособность вызывать ссоры.

Действия царя бывают явные, тайные и подлежащие выяснению. То, что видишь сам, – то явное; то, что указывается другими, – это тайное. То, что следует из рассмотрения исполненного и не исполненного в делах, – это подлежащее выяснению. В силу неодновременности дел, их многообразия и того, что они происходят в разных местах, царь должен, чтобы не пропустить места и времени, поручать исполнение тайного министрам. Это дело министров.

Домашним жрецом пусть царь назначает человека высокой нравственности, ученого рода, основательно изучившего веды и шесть вспомогательных наук, божеские предзнаменования и приметы и науку государственного управления, умеющего противостоять бедствиям, происходящим от богов и людей, при помощи заклинаний и соответствующих средств. Пусть он следует ему как учителю ученик, как отцу сын, как слуга господину.

Власть кшатриев, укрепляемая брахманством, получающая совет советников, непобедима и побеждает на вечность, вооруженная в соответствии с науками.

Раздел 6. Испытание честности и нечестности министров посредством хитростей

Глава 10

Совместно с главным советником и домашним жрецом царь, назначив министров на должности, пусть испытывает их хитростями.

Пусть царь (для вида) сменит домашнего жреца, который, получив приказ принести жертву для недостойного лица или обучить его ведам, проявит (для вида) неудовольствие. Пусть домашний жрец через шпионов, дающих клятву, подговаривает одного за другим министров следующим образом: «Этот царь беззаконен, поставим же на его место другого царя, справедливого или из его родных, заключенного (в темницу), родовитого, чтимого, или вассала, или вождя лесного племени¹³, или правителя нагорной страны. Все с этим согласны, а ты как?» В случае отказа он чист. Это хитрость закона.

Военачальник, (для вида) отставленный за покровительство недостойным людям, пусть через шпионов подговаривает министров одного за другим на убийство царя предложением подкупа, причем говорится: «Все на это согласны, а как ты?» Отказавшийся чист. Это хитрость выгоды.

Отшельница, приобретшая доверие в царском тереме, чтимая, пусть подговаривает главных сановников одного за другим такими словами: «Главная жена царя любит тебя, она приняла меры для свидания с тобой. Предстоит тебе и большая материальная выгода». Отказавшийся чист. Это хитрость любви.

¹³ То есть вождей варварских племен, живших в лесах и горах – на территориях, не контролируемых центральным правителем.

Пусть один из министров под предлогом увеселительной поездки пригласит всех министров. (Для вида) смущенный этим, царь пусть заключит их в темницу. Шпион под видом ученика¹⁴, перед тем заключенного в тюрьму, пусть этих министров, лишенных имущества и почести, одного за другим подговаривает: «Нехорошо поступает этот царь, убьем же его немедленно и поставим (на его место) другого. Все с этим согласны, а как ты?» Отказавшийся чист. Это хитрость страха.

Из испытанных таким образом министров пусть он чистых по хитрости закона поставит на дела судебные и уголовные, чистых по хитрости выгоды пусть ставит на дела сбора поступлений, на должности сборов податей и счетные, чистых по хитрости любви пусть ставит на дела по охране увеселений внутри дворца и вне его; чистых по хитрости страха пусть ставит на дела в непосредственной близости царя. Чистых по всем хитростям пусть сделает советниками; нечистых во всем пусть пошлет в рудники, в строевые леса, в леса – заповедники слонов и в мастерские.

Министров, очищенных по отношению к трем разделам [закон, материальная выгода, любовь] и страху, пусть ставит во главе дел, относящихся к их занятиям, в соответствии с результатами проверки их честности – таково мнение учителей.

Пусть царь не делает себя или царицу предметом испытаний честности министров – таково мнение Каутильи.

Пусть он не причиняет осквернения чистому, подобно отравлению воды ядом, а то может никогда не найтись лекарства для оскверненного.

Ум, помутненный четырьмя видами хитростей, не дойдя до своей гибели, восстановится, опираясь на устойчивость достойных людей.

Поэтому царь, поставив внешнюю цель при четверном испытании, пусть узнает честность и нечестность своих министров при помощи шпионов.

Раздел 7. Назначение тайных агентов

Глава 11. (Составление групп шпионов)

После того как группа министров проверена при помощи испытаний, пусть царь назначит тайных агентов, принявших вид странствующих учеников, отрекшихся от обетов монахов, домохозяев, купцов, отшельников, соглядатаев, разбойников, отравителей, монахинь.

Знающий слабые места других, решительный ученик – это и есть странствующий ученик. Привлекши его деньгами и оказанием внимания, советник пусть скажет ему: «Руководствуйся (указаниями) царя и моими, что у кого увидишь дурного, тотчас сообщай».

Бросивший отшельничество, умный и честный – это и есть отрекшийся от обетов монахов. Пусть он ведет свое дело на участке, отведенном ему для хозяйства, имея (в распоряжении) много золота и учеников. Из доходов с этого дела пусть он снабжает всех отшельников пищей, одеждой и жилищем. Ищущих добывания средств к жизни пусть он так подговаривает: «В такой-то одежде надо исполнять дела царя и являться за получением еды и содержания в определенное для того время». И все отшельники пусть каждый так же подговаривают свою группу.

Земледелец, лишенный своих средств к жизни, умный и честный, будет шпионом, принявшим вид домохозяина. Он пусть ведет свое дело на участке, ему отведенном. Дальше как раньше.

Купец, лишившийся средств к жизни, умный и честный, будет шпионом, принявшим вид купца. Дальше как раньше.

¹⁴ Человек, проходивший обучение в какой-либо брахманской школе.

Человек, бритый или с заплетенной косой, ищущий средств к жизни, будет шпионом под видом отшельника. Он, поселившись вблизи города со многими учениками – монахами с бритыми головами или с заплетенной косой, – пусть ест на людях только овощи или горсть травы раз в месяц или раз в два месяца, тайно он может есть пищу, какую пожелает. Купцы и ученики пусть его чтят заклинаниями, дающими богатство. И пусть ученики его заявляют: «Это волшебник, заклинатель». Пришедшим с пожеланиями узнать [будущее] путем волшебства он, благодаря знанию хиромантии и по условным знакам учеников, пусть расскажет о событиях, совершающихся в их семье: малый доход, пожар, опасность от воров, казнь злодеев, раздача даров (верноподданным), или о значении иноземных событий. «Это будет сегодня или завтра» или «это сделает царь», так он должен говорить. И пусть его тайные агенты это подтвердят.

Одаренным энергией, мудростью, красноречием, способностями пусть он обещает царские щедроты и близость к старшему советнику. Пусть советник заботится о их содержании и работе. Гневающихся обоснованно пусть он успокоит дарами и почестями, гневающихся без (достаточной) причины и заговорщиков против царя пусть казнит тайно.

Почтенные царем материальными дарами и почестями, пусть (шпионы) выясняют чистоту царских слуг. Здесь указаны пять групп шпионов.

Раздел 8. Применение тайных агентов

Глава 12. (Назначение странствующих шпионов. Применение тайных агентов)

Безродные, которых надо содержать, изучившие счастливые признаки (у человека), хиромантию, умение околдовывать людей, волшебство, законы о четырех ступенях человеческой жизни, приметы, приметы птичьего полета, – это соглядатаи и люди, знающие человеческий обиход.

Храбрецы в стране, которые за вознаграждение, не жалея жизни, могут сражаться со слоном или тигром, – это наемные убийцы.

Лишенные любви к родным, жестокие, изменчивые – это отравители.

Странствующая монахиня, ищущая пропитания, бедная вдова, самоуверенная брахманка, чтимая в [царском] тереме, пусть посещает семьи главных сановников. Этим сказано и о бритых монахинях и женщинах-шудрах. Это бродячие шпионы.

Царь должен их направить каждого в своей стране к советнику, домашнему жрецу, полководцу, наследнику престола, главному стражу ворот, охранителю терема, начальнику лагеря, главному сборщику податей, хранителю государственной казны, главному судье, военачальнику, градоначальнику, астрологу, надзирателю за собранием советников, блюстителю наказаний, охранителю крепости, охранителю границ, начальнику лесных племен; шпионы должны иметь вызывающие к ним доверие признаки – страны, одежды, ремесла, языка, семьи – и должны удостовериться [в отношении указанных лиц] в их преданности, пригодности к делу и усердии.

Публичным поведением [указанных лиц] пусть ведают [переодетые] наемные убийцы, которые обслуживают [царский] зонтик, чашу, опахало, обувь, сидение, носилки, коней. О своих наблюдениях шпионы должны передавать в [свои] группы.

Отравители, переодетые поварами и кулинарами, банщиками, массажистами, постельниками, брадобреями, ведающими туалетом, водоносами, скрывающиеся под видом горбунов, карликов, горцев¹⁵, немых, глухих, идиотов, слепых; актеры, танцоры, певцы, рассказ-

¹⁵ То есть варваров.

чики, сказители, акробаты и женщины – пусть они ведают наблюдением за внутренним [домашним] обиходом. О нем монахини должны сообщать в [шпионские] группы.

Ученики, принадлежащие к определенным [шпионским] группам, знаками и на письме пусть передают сообщения шпионов, и пусть те группы не знают друг о друге.

В случае отказа во входе [в жилище] монахиням привратники один за другим, шпионы, переодетые отцами и матерями, ремесленники, акробаты, рабыни при помощи пения, чтения, музыки, тайнописи, скрытой в ящичках, или знаков должны вывести наружу [сообщение] шпионов. Или же происходит их выход тайком под предлогом долгой болезни или сумасшествия, поджога или отравления, или необходимости испражниться.

В случае если показания трех [шпионов] сойдутся, то им доверяют. В случае повторного несовпадения показаний применяется тайное наказание или устранение шпиона.

Шпионы, упомянутые в отделе «Об очищении от шипов»¹⁶, должны жить у врагов, на их содержании, передвигающиеся же с целью шпионажа получают содержание от обеих сторон.

Взяв их жен и детей в [заложники], пусть [царь] устроит, чтобы они сами получали содержание с обеих сторон. Пусть [царь] считает, что они посланы врагом, и пусть проверяет их чистоту подобными же людьми.

Таким образом пусть он сеет шпионов у врага, друга и владельца смежной [с ним и с врагом] страны и у нейтральных, а также среди их должностных лиц.

Шпионы в их внутренних покоях – горбатые, карлики, евнухи, женщины, искусные в ремеслах, немые и разного рода млеччи¹⁷.

В крепостях группа шпионов – купцы, вблизи крепости – святые и отшельники. В царстве – земледельцы и отрекшиеся отшельники, на границе государства – живущие в пастушеских стоянках.

В лесу должны быть сделаны шпионами лесные жители, отшельники, представители лесных племен и т. д. Все они, быстрые, составляют цепь шпионов для того, чтобы знать происходящее у врагов.

И такие шпионы, поставленные врагом, должны быть опознаны подобными им – как группы, сообщающие узнанное, и тайные, только тайно признаваемые.

Пусть он селит у границ, для распознавания шпионов врага, – [своих] главных шпионов, заслуживающих доверия, выявленных на основании их действий через предателей.

Раздел 9. Наблюдение в своей стране за партиями людей преданных и людей, предательски настроенных

Глава 13

Учредив надзор за главными должностными лицами, пусть царь устроит надзор за горожанами и сельскими жителями. Шпионы, разделившись на две стороны, пусть вступят в препирательство в местах священных омовений, в залах собраний, в [ремесленных] корпорациях, среди сборищ людей, говоря: «Слышно, что этот царь одарен всеми добродетелями, между тем у него не видно ни одной добродетели, он мучит горожан и сельских жителей наказаниями и налогами».

Тут другой пусть возразит и вторящим [говорящему], и ему самому: «Люди, одолеваемые обычаем рыб [когда большие рыбы пожирают малых], сделали Ману, сына Вивасвана,

¹⁶ См. 5-ю главу IV отдела «Артхашастры» в кн.: Артхашастра. М., 1993.

¹⁷ Иноземцы, не говорившие на индоарийских языках.

царем¹⁸ и определили шестую долю зерна и десятую долю товаров и золота как его [царя] долю. Этим поддерживаемые цари доставляют подданным безопасность обладания имуществом. Налагая на подданных наказания, цари устраняют [совершение] ими злодеяний, чем и доставляют им безопасность обладания имуществом. Поэтому даже лесные отшельники отдают шестую долю собранных ими колосьев, говоря: «Это доля того, кто нас охраняет. Цари – это заместники Индры¹⁹ и Ямы, они олицетворение гнева и милости. Кто ими пренебрегает, того касается божеское наказание. Поэтому нельзя пренебрегать царями». Такими словами пусть он возражает мелким людям.

И [шпионы] должны знать все, что говорится [в толпе]. И о тех, кто живет за счет царского зерна, скота, золота, и кто ему помогает [всем] этим во время бедствия или благополучия, и кто возвращает [к повиновению] разгневавшегося родственника царя, кто оказывает противодействие врагу или вождю лесного племени. Пусть шпионы, переодетые отшельниками, бритыми или с заплетенной косой, узнают их довольство и недовольство.

Довольных пусть царь еще больше почит, недовольных пусть он ублажает для их удовлетворения щедротами и приветливым обращением. Или пусть он разъединяет их между собой и с пограничными правителями, вождями лесных племен, родственниками царя или подавленными им. Если они все-таки будут недовольны, пусть царь поручением им применения наказаний и взысканий вызовет ненависть населения к ним. Вызвав к ним ненависть, пусть он с ними покончит или тайной казнью, или возмущением населения. Или, скрыв их жен и детей, пусть поселит их [недовольных] в рудниках или мастерских из боязни, что они окажут поддержку врагам. Разгневанные, жадные, перепуганные, относящиеся с горделивым пренебрежением – это люди, которые способны на предательство врагам. За их взаимными сношениями и сношениями с врагами и лесными племенами пусть следят [шпионы], принявшие вид прорицателей, астрологов и знающих приметы людей.

Довольных пусть [царь] чтит материальными дарами и знаками внимания. Недовольных пусть покоряет приветливостью, дарами, ссорами и наказаниями.

Мудрый царь в своей стране пусть охраняет преданных людей и людей, склонных к предательству, больших и малых, от подговоров врагов.

Раздел 10. Привлечение во вражеской стране партий людей преданных и людей, склонных к предательству

Глава 14

Привлечение партий людей преданных и людей, склонных к предательству, в своей стране объяснено. Надо сказать [о том же] в стране врага.

Обманутый после того, как ему были обещаны материальные выгоды, тот, кому оказано пренебрежение из двух людей, одинаково хороших работников, или по отношению к его ремеслу или работе вообще, тот, кому любимцами царя воспрепятствован к нему доступ, кто сперва был призван, а затем отвергнут, кто огорчен изгнанием, кто истратился на взятки и не получил службы, тот, кому помешали в осуществлении его прав или получении наследства, кто лишился почестей и должности, кто оттеснен [царскими] родственниками, тот, чья жена изнасилована, кто брошен в тюрьму или другие [места заключения], кто наказан по вражескому оговору, тот, кому помешали поступить дурно, тот, кого лишили имущества, кто истомлен заключением, тот, у кого сослали родных, – это разряд разгневанных.

¹⁸ Ману, сын Вивасвана («Лучезарного», т. е. Солнца) – один из первых людей, составивший самый древний свод законов.

¹⁹ Индра – бог-громовержец, верховное божество индоариев времен создания Ригведы.

Кто по своей вине обижен, кто оскорблен, тот, чьи дурные дела стали известны, кто смущен наказанием, назначенным человеку, совершившему один с ним поступок, тот, у кого отобрана земля, кто сражен наказанием, кто находится на любом служебном посту, кто награбил себе состояние, кто имеет виды на наследство родных царя, тот, кого ненавидит царь и кто ненавидит царя, – это разряд запуганных.

Кто низко опустился, кто набрал слишком много добра, кто скуп, кто порочен и кто пускается в слишком рискованные предприятия – это разряд жадных.

Кто мнит о себе, кто жаждет, чтобы его чтили, кто не переносит оказания почестей его врагам, кто общается с низкими людьми, кто жесток, кто насильник, кто недоволен получаемым содержанием – это разряд надменных.

Из всех этих, кто принадлежит к готовым на предательство, тех пусть царь подговаривает через шпионов, принявших вид бритых или с косой монахов, – в соответствии со степенью их преданности.

Разряд разгневанных пусть он так подговаривает: «Как слепой от похоти слон, руководимый пьяным погонщиком, все, к чему приближается, то растаптывает, так и этот не обладающий оком знания слепой царь [подучиваемый слепым советником] собрался уничтожить горожан и поселян. Возможно убрать его возбуждением против него соперничающего с ним слона, не надлежит его терпеть».

Разряд запуганных пусть подговаривает так: «Как прячущаяся змея испускает яд на того, от кого видит страшное для себя, так и этот царь, боящийся из-за причиненного тебе вреда, скоро испустит на тебя яд [своего] гнева, – уйди в другое место».

Разряд жадных пусть подговаривает так: «Как корова, принадлежащая стражам собак, дает молоко собакам, а не брахманам, так и этот царь расточает милости лишенным добродетели, разума и силы, а не одаренным достоинствами характера. А тот царь знает отличия людей, служи ему».

Разряд надменных пусть подговаривает так: «Как колодцем чандалов пользуются только чандалы²⁰, не другие, так низкий царь полезен только низким, а не подобным тебе благородным. А тот царь знает отличия людей, иди туда».

Тех, кто обещал, сказав «да», и заключил договор, пусть он [царь] вместе со шпионами приобщает их по возможности к своим делам.

Пусть он приобретает во вражеских странах лаской и дарами тех, кто может предать, не идущих на предательство – ссорой и силой, и пусть указывает им на ошибки вражеского царя.

Раздел 11. Значение совещания

Глава 15

Привлекши свои и вражеские партии, пусть он [царь] думает о начале дел. Всякое начало [дела] предваряется совещанием.

Место совещания должно быть закрыто, из которого не истекают разговоры, куда не могут заглянуть и птицы. Ибо известно, что совещания были выданы попугаями и сороками, собаками и другими животными²¹. Поэтому к месту совещания пусть никто непричастный не подходит. Пусть будет уничтожен предающий совещание.

²⁰ Чандалы – люди, находящиеся вообще вне варнового строя; более низкое «сословие», чем шудры.

²¹ Так, один из легендарных древнеиндийских царей, Шругаварман, потерял свое царство после того, как недруги узнали о его замыслах из болтовни попугая.

Совещание может быть предано жестом и выражением лица посла, министра, царя. Жест – это измененное движение. Выражение лица – это принятие определенного вида.

Совещание должно быть скрыто, следует наблюдать за причастными к нему людьми до выполнения намеченного на совещании. Ибо если они проговорятся при опьянении, страсти, болтовне во время сна, при любовных отношениях и т. п. и это будет скрыто или этим пренебрегут, то будет нарушена тайна совещания. Нарушение тайны совещания мешает приобретению и сохранению имущества царя и связанных с ним людей. Поэтому, говорит Бхарадваджа, тайное пусть царь обсуждает один. Ибо и у советников бывают также советники, а у них – другие. Эта цепь советников разрушает совещание.

Поэтому пусть другие не знают ничего о том, что он намеревается сделать, а исполнители пусть знают о деле только тогда, когда к нему приступлено или когда оно завершено.

Нет успеха в совещании одного, говорит Вишалакша. Ведь поступки царя – явные, тайные и выясняемые на основании заключений. Знание того, что еще не стало известным; разбор того, что стало известным, и придание ему силы, разрешение сомнения при возможности двоякого понимания; по одной стороне дела, ставшей известной, понимание остального – все это достигается с помощью советников. Поэтому царь пусть совещается со старцами, преуспевшими в знании.

Никем не должен он пренебрегать и должен слушать мнение каждого. Мудрый должен как следует воспринять речь даже ребенка.

В этом знании совещания, но несохранение тайны совещания, говорят последователи Парашары. О подобном тому, что нужно для его дела, пусть он спросит советников: «Это дело было так или так? если оно будет так, то как поступить?» Как они скажут, пусть то и делает. Таким образом будет и восприятие совещания, и сохранение тайны.

Нет, говорит Пишуна, советники по отношению к тайному делу, сделано оно или не сделано, если их спросят, говорят невнимательно или выдают его. В этом ошибка. Поэтому пусть царь совещается с ними о делах, в которых они искусны [но не в иных]. Ведь, совещаясь с ними, он приобретает и мудрость в совещаниях, и их собственную тайну.

Нет, говорит Каутилья, так создается неопределенность. Пусть царь совещается с тремя-четырьмя советниками. Ибо, совещаясь с одним, он не достигнет решения при трудности дела. И один советник поступает как хочет, бесконтрольно. Если царь совещается с двумя, то, если они сходятся, он попадает в их власть, если расходятся, то он гибнет. При трех или четырех, наверное, не произойдет большой ошибки даже в трудных обстоятельствах и [отдельные] недостатки исправляются. При большем числе трудно достигается решение дела и сохранение [тайны] совещания. При необходимости сообразно с местом, временем и делом пусть советуется с одним или двумя или с самим собой, как окажется подходящим.

Способ приступа к делам, наличие достаточного числа людей и материалов, определение времени и места, противодействие неудачам, счастливое завершение дела – это пять элементов совещания. О них пусть царь спрашивает каждого [советника] отдельно или всех вместе. Мудрый, пусть он вникает в суждения каждого в отдельности, [продумывая их] доводы. Восприяв суть дела, пусть не медлит. Пусть долго не совещается и не защищает тех, кому собирается нанести вред.

Пусть собранием советников он сделает двенадцать министров, говорит школа Манава.

Шестнадцать, говорит школа Брихаспати. Двадцать, говорит школа Ушанаса. По потребности, говорит Каутилья.

Пусть они принимают в расчет и партию, сочувствующую царю, и враждебную ему. Пусть они по отношению к делам делают так, чтобы неначатое было начато, чтобы в деле, уже предпринятом, были выполнены все частности и чтобы все распоряжения были выпол-

нены как следует. С присутствующими пусть царь наблюдает за делами непосредственно, с отсутствующими пусть совещается путем посылки писем.

Ведь собрание советников Индры – это тысяча мудрецов²². Это его око. Поэтому его, хотя у него два глаза, зовут «тысячеокий». В срочном деле пусть созвет советников или совещание советников и с ними совещается. Что здесь одобрит большинство или что признает полезным для успешного завершения дела, то пусть царь исполняет. И когда он это будет делать, пусть другие не знают его тайны, но пусть сам он видит слабые места других. Подобно тому как черепаха скрывает свои члены, так пусть царь скрывает все, что у него открыто.

Подобно тому как неученый брахман не может вкушать от погребальной трапезы благочестивых²³, так и тот, кто не прошел по сути науку, не может слушать совещаний совета.

Раздел 12. Правила для послов

Глава 16

После того как в совете приняты решения, происходит отправление послов. Кто обладает полнотой качеств министра, тот посол, которому поручено ведение дела. Кто лишен четверти этих качеств, тот имеет ограниченные полномочия, кто лишен их половины, тот [только] передатчик царского послания.

Имея обоз, хорошо обеспеченный людьми, верховыми животными и перевозочными средствами, пусть он выступит в путь. «Царское послание должно быть изложено врагу так; он ответит так; ему должно на это возразить; таким образом надо над ним взять верх». Пусть посол отправляется, изучая эти указания. Пусть он общается с хранителями лесов и границ и главными лицами в городах и во [всей] стране. Места для расположения своих войск и войск врага, для сражений и для отступления пусть он наблюдает. Пусть он узнает размеры государства и крепостей и пусть собирает сведения о драгоценностях, средствах к пропитанию, об охране и слабых местах. Допущенный в чужую резиденцию, пусть войдет в нее. Пусть произнесет царское послание, как оно ему было сказано, даже если предвидит опасность для жизни. Пусть он замечает, есть ли в речи, лице, взгляде врага благожелательность к нему, уважение к его речам, благожелательные по отношению к царю вопросы, есть ли проявление внимания к перечислению достоинств царя, сажает ли он [посланца] вблизи себя, оказывает ли ему честь, считается ли с его желаниями, проявляет ли доверие к нему – [все это], если враг удовлетворен [царским посланием], и пусть замечает противоположное, если враг недоволен. Пусть он скажет ему: «Ведь цари – ты и другие – говорят устами послов. Поэтому даже при поднятом оружии послы говорят так, как им было сказано. Из послов даже люди низших каст не могут быть убиваемы, тем более брахманы. Речь, мною сказанная, – речь другого. Это закон для послов».

Пусть живет [в чужой стране], пока не будет отпущен. Пусть не возгордится от оказанного ему почета. Пусть не хвастает силой перед врагами. Пусть [терпеливо] сносит неприятную речь. Пусть избегает женщин и опьяняющих напитков. Пусть спит один, ибо от пьяных и спящих узнавались их намерения. Пусть при помощи [шпионов], переодетых отшельниками и купцами, он узнает о подговорах тех, кто склонен к предательству, и о тайных убийствах тех, кто не согласен на предательство, о благожелательном и неблагожелатель-

²² Имеются в виду риши, божественные мудрецы, создатели гимнов Ригведы. Многие из них благодаря своему подвижничеству добивались обладания высшим знанием, становясь равными богам и даже выше, чем боги.

²³ В погребальной церемонии участвовали только брахманы, получившие необходимый уровень знания Вед.

ном настроении по отношению к царю и о слабых местах в устоях государства²⁴. Или пусть осведомляется через их учеников, переодетых врачами или иноверцами, или через подкупленных обеими сторонами. При невозможности беседовать с ними пусть он осведомляется о происходящем у врага из речей нищих, пьяных, сумасшедших, спящих или из условных знаков, надписей, рисунков в храмах и местах паломничества. В связи с узанным пусть вступает в тайные переговоры. Опрошенный врагом об основах своего государства, пусть не сообщает о их значении. Пусть скажет: «Ты все сам знаешь, владыка» или что-либо, обещающее успех его дела.

Если его посольство не имеет успеха и он [все-таки] задержан [врагом], то пусть размыслит: «Что он задерживает меня, потому ли, что видит, что приблизилась беда для моего владыки, или потому, что хочет противодействовать [приближающейся к нему] самому беде, или он хочет вызвать [выступление] находящегося у [моего царя] в тылу его союзника или войска другого государя, отделенного от него другими владениями, или вызвать внутреннее возмущение или восстание вождя лесного племени, или он хочет уничтожить союзника моего владыки спереди или в тылу, или же он хочет противодействовать направленному против него походу со стороны, или внутреннему возмущению, или восстанию вождя лесного племени, или он хочет помешать приготовлениям к походу моего владыки, или он желает собрать жатву, металлы, товары, построить крепость, снарядить войско, или же он выжидает подходящего времени и места для действий своих войск, или же он это делает из пренебрежения и небрежности, или же он ищет союза и связей».

Узнав [истинную причину], пусть живет или уезжает или пусть высматривает подходящий образ действий. Передав нежеланное [для врага] послание, даже не отпущенный, из страха заключения или убиения пусть отъедет, иначе он может подвергнуться насилию.

Итак, дело посла: исполнение посольства, соблюдение заключенных договоров, поддержание престижа, приобретение друзей, подговор, ссоры союзников, тайная перевозка войск, похищение родственников и драгоценностей [врага], сведения, приобретенные от шпионов, храбрость, расторжение соглашений, а также применение тайных средств.

Пусть царь велит все это исполнять через своих послов и велит наблюдать за послами врагов через встречных послов и шпионов и через явных и тайных наблюдателей.

Раздел 13. Наблюдение за царскими сыновьями

Глава 17

Царь, если сам охранен, охраняет царство от близких и врагов, прежде всего от жен своих и детей.

О наблюдении за женами скажем [в главе] «Предписания для царского жилища».

Наблюдение за сыновьями. Со [дня] их рождения должен царь наблюдать за своими сыновьями, ибо царские сыновья подобны ракам: они пожирают своего родителя. Если у них не появится любовь к отцу, то лучше их тайно убить – так говорит Бхарадваджа.

Тайное убийство – жестокость, и оно ведет к гибели рода кшатриев, говорит Вишалакша, поэтому лучше заключение сына в том же дворце.

Это страх перед змеей, говорит Парашара, ибо царевич, поняв: «отец держит меня в заключении из страха перед моей силой», овладеет им самим. Поэтому лучше поселение [царевича] в крепости хранителя границ.

²⁴ Традиционная индийская политическая мудрость насчитывала семь устоев государства: царь, министр, союзники, казна, армия, страна, крепости.

Это будет бараний страх, говорит Пишуна, ибо, узнав ту же причину отвращения к нему отца, он заключит союз с хранителем границ. Поэтому лучше поселить царевича в крепости вассала, удаленной от владений царя.

Это похоже на положение теленка, говорит Каунападанта. Ведь вассал станет доить его отца, как при помощи теленка доят корову. Поэтому лучше поселение царевича у родных матери.

Это было бы подобным знамени, говорит Ватавьядхи. Ибо с этим [предлогом] как знаменем родные его матери будут просить подачек, подобно тому как это было с Адити и Каушикой²⁵. Поэтому пусть они предоставят его деревенским потехам²⁶: опутанные удовольствиями, сыновья не будут строить козней против отца.

Это смерть в жизни, говорит Каутилья, ибо, как дерево, поедаемое червем, ломается царская семья с невоспитанными сыновьями, как только ее коснутся. Поэтому, когда у царской старшей жены только что кончатся месячные, пусть жрецы раскидают жертвенный рис Индре и Брихаспати²⁷.

Когда она забеременеет, пусть врач-повивальщик приложит все старания во время беременности и при родах. Когда царица родит, пусть домашний жрец совершит необходимые обряды над сыном. Когда он будет для того готов, пусть его воспитывают опытные в воспитании [руководители].

Из шпионов пусть один сманивает его охотой, игрой, питьем опьяняющих напитков, женщинами и говорит: «Напав на отца, отними у него царство», другой шпион пусть его удерживает – так говорит школа Амбхи²⁸.

Великий грех пробуждать непробудившегося, говорит Каутилья, ведь если новый предмет чем-нибудь смазать, то он это в себя впитывает, таким же образом и этот свежий ум, что ему ни скажут, воспринимает как учение науки, поэтому пусть учат царского сына доброму и полезному, но не дурному и бесполезному.

Шпионы должны его охранять, говоря: «мы твои». Если он от избытка юношеских сил направляет ум на чужих женщин, пусть они отвадят его, [устраивая встречи] в пустых домах с нечистыми женщинами, переодетыми в благородных женщин. Если у него явится страсть к опьяняющим напиткам, пусть они его запугают отравленными напитками²⁹. Если он увлекается игрой, то пусть его запугают обманщиками. Если он увлекается охотой, то пусть его устрашат переодетыми разбойниками. Если он хочет напасть на отца, пусть они, соглашаясь, скажут, «да» и [затем] отговорят его:

«Не надлежит замышлять ничего против царя, при неудаче – казнь, при удаче – падение в ад, негодование и смерть от подданных, которые закидают комьями земли».

Сына, который его не любит, или любимого, но единственного сына пусть царь заключит в оковы. Если у царя много сыновей, то пусть он пошлет [такого сына] на границу или в другую страну, где не будет пищи, товаров и где [при царевиче] не возникнет волнений. Если он будет умен, пусть царь назначит его военачальником или наследником престола.

Разновидностей царских сыновей [три]: умный, ограниченного ума, глупый. Умный, обучаемый, понимает закон и пользу и соответственно поступает. Ограниченный понимает, но не поступает соответственно. Глупый всегда поступает дурно и ненавидит закон и пользу.

²⁵ Сказание, на которое указывает Каутилья, нам неизвестно. *Адити* – мать адитьев, богов двенадцати месяцев. *Каушика* – один из эпитетов легендарного подвижника Вишвамитры.

²⁶ То есть погрузят в чувственные удовольствия.

²⁷ Жертвоприношения рисом совершались во время молений о появлении потомства. *Брихаспати* – божество, покровительствующее молитве.

²⁸ Эта школа нам неизвестна.

²⁹ Напитками, вызывающими дурноту, а не опьянение.

Если он у царя единственный сын, то пусть [царь] стремится к тому, чтобы у этого сына был сын. Или пусть добьется рождения сыновей у дочерей.

Если царь стар или болен, то пусть побудит произвести семя на своем поле родных матери или достойного вассала. Пусть царь не возводит на престол даже единственного сына, если он беспутен.

Отец, имеющий много сыновей и одного из них – беспутного – держащий в заключении, проявляет этим любовь к сыновьям. Но власть почитается принадлежащей старшему, [кроме особых случаев] бедствия. Или царство принадлежит роду, ибо родовое объединение трудно победить³⁰. Свободное от бедствий безвластия, оно живет вечно на земле.

Разделы 14 и 15. Поведение находящегося в удалении [царевича] и поведение [царя] по отношению к удаленному [царскому сыну]

Глава 18

Царевич, [даже] живущий в стесненных обстоятельствах, которому поручено не подходящее для него дело, должен [все же] повиноваться отцу, кроме случаев, ведущих к опасности для жизни, народному возмущению, тяжкому греху. Если ему поручено добродетельное дело, пусть он просит о назначении руководителя себе. С помощью руководителя пусть он отменно исполняет порученное ему дело. Пусть он преподносит отцу соответствующую прибыль от дела и полученное приношениями.

Если [отец] и этим не удовлетворится и проявит свою любовь к другому сыну или к другой жене, кроме его матери, пусть он отпросится [у отца] в лес, [чтобы стать отшельником]. Или в случае боязни заключения или убийства [со стороны отца] пусть он прибегнет к какому-нибудь соседнему царю, добродетельному, законнику, правдивому, честному, ласково принимающему и почитающему прибегающих к нему за помощью. Находясь там, имея войско и казну, пусть он заключает брачные союзы с дочерьми выдающихся людей и союзы с лесными племенами или оказывает поддержку склонным к измене [подданным отца].

Если он живет один, то пусть добывает себе средства к жизни выплавкой золота, продажей драгоценных камней, красок, золота, серебра и работой в копиях и мастерских. Или пусть, пробравшись тайком, присвоит себе имущество общин еретиков, или имущество храмов, кроме случаев, когда оно находится в пользовании брахманских жрецов, или имущество богатой вдовы и пусть ограбит караваны и корабли, обманув [людей] при помощи опьяняющих и ядовитых напитков. Или пусть прибегнет к способу, которым овладевают вражескими поселениями. Или пусть в своих действиях пользуется поддержкой окружающих матери. Или, изменив свой вид переодеванием в ремесленника, художника, певца, врача, рассказчика, еретика, со спутниками, точно так же переодетыми, воспользовавшись лазейкой, проникнув к царю, пусть приступит к нему с оружием или ядом и скажет: «Я такой-то царевич. Царство это должно быть нашим общим владением, не подобает, чтобы над ним властвовал один. Тех, кто захочет нести при мне какие-либо обязанности, я удовлетворю двойным пропитанием и жалованьем». Таково поведение находящегося в удалении [царевича].

Находящегося в удалении [царевича], если он законный наследник, пусть шпионы, задобрив, приведут [к царю], или пусть мать его это сделает, если она будет допущена. Если царевич будет покинут [своим отцом], пусть шпионы умертвят его оружием или ядом. Если он не покинут [им, из-за любви к сыну], то, присоединившись к нему, при помощи подобных

³⁰ Родовое правление – это правление братьев или близких родственников, совместно владеющих царством.

[им] женщин или опьяняющих напитков или на охоте пусть, схватив его ночью, приведут его [к царю].

Когда он предстанет [перед ним], то пусть [царь] его успокоит видами на царство, говоря: «после меня [ты получишь его]». Если он единственный сын, пусть заключит его в тюрьму, если у царя несколько сыновей, пусть его сошлет³¹.

Раздел 16. Обязанности царя

Глава 19

Когда царь деятелен, то вслед за ним деятельны его слуги. Если царь бездеятелен, то вслед за ним бездеятельны и его слуги, которые и уничтожают его дела, и он одолевается ненавидящими его. Поэтому пусть царь проявляет свою деятельность. Пусть он делит трубочками [водяных часов] день на восемь частей, так же и ночь, или же по счету длины тени в три пуруша, в один пуруша, в четыре ангула³² и бестенный полдень; это первые четыре восьмушки дня, и этими же [делениями] объяснены и деления после полудня.

Здесь царь в первую восьмушку дня пусть выслушивает [доклады] о мерах безопасности государства, о доходах и расходах; во вторую – пусть рассматривает дела горожан и поселян; в третью пусть займется купаньем и приемом пищи и пусть изучает веды; в четвертую пусть он принимает золото и определяет надзирателей; в пятую пусть совещается с собранием советников при помощи письменных сообщений и пусть рассматривает тайные извещения шпионов; в шестую пусть занимается чем хочет или совещается; в седьмую пусть делает смотр слонам, коням, колесницам и воинам; в восьмую вместе с военачальником пусть обсуждает военные дела. По окончании дня пусть займется вечерними молитвами.

В первую часть ночи пусть принимает тайных агентов; во вторую пусть займется купаньем и приемом пищи и пусть изучает веды; в третью, легши отдыхать при звуках труб, пусть спит четвертую и пятую; в шестую, пробужденный звуком труб, пусть размышляет о науке и о том, что должен делать; в седьмую пусть заседает в совете и рассылает тайных агентов; в восьмую пусть он в сопровождении жертвенного жреца, духовного учителя, домашнего жреца принимает благопожелания и пусть видится с врачом, поваром, предсказателем. Обойдя с правой стороны корову с теленком и быка³³, пусть он идет затем в зал собраний; или же, распределив в соответствии со своими силами части дня и ночи, пусть ведет [свои] дела.

Придя в зал собраний, пусть не заставляет дожидаться у дверей тех, кто имеет к нему дела. Ибо когда трудно видеть царя, то он своими приближенными приводится к тому, что смешивает то, что надо и чего не надо делать.

Вследствие этого бывают возмущения подданных, и царь попадает во власть врага. Поэтому пусть царь по порядку рассматривает дела: божеств, отшельнических обитателей, еретиков, жрецов-брахманов, скота, священных мест, детей, стариков, больных, попавших в беду, незащитных и женщин. Или же пусть рассматривает дела в порядке их важности или срочности.

³¹ Речь о том, что этот, самый даровитый, сын будет своим присутствием при дворе угрожать положению двора. С другой стороны, указывая всем на ничтожность его положения (заключенного или сосланного), царь отводит от него угрозу со стороны завистников.

³² Каутилья описывает типичные деления на солнечных часах, находящихся примерно на широте Паталипутры. *Пуруша* – «человек» – мера длины, равная ширине человеческого тела (около 30 см). *Ангула* – «палец» – мера длины, равная ширине пальца (около 1,8 см).

³³ Обряд почтения коровы, священного животного индийцев. Выражение почтения подчеркивалось тем, что корова и ее теленок должны были всегда находиться по правую руку от царя.

Всякое срочное дело пусть выслушивает и не откладывает. Дело пренебреженное становится или трудноисполнимым, или неисполнимым.

Прибыв в помещение, где находится священный огонь, пусть он рассматривает дела знатоков вед и отшельников вместе с домашним жрецом и духовным учителем, после того как привстанет и поклонится.

Дела отшельников и знающих применение волшебства пусть [царь] рассматривает вместе со знатоками трех вед. Пусть один он их не рассматривает, опасаясь вызвать гнев [отшельников и знающих применение волшебства].

Ведь обет царя – это его деятельность, его жертвоприношения, его повеления по делам, священные дары и выдержанность поведения, окропление посвященного.

Счастье царя в счастии подданных, в пользе подданных – его польза. Польза для царя – не то, что ему приятно, но что приятно подданным – в том польза царю.

Поэтому царь, всегда напряженный в работе, пусть то велит делать, что нужно. Корень того, что нужно, – это напряженность в работе, противоположное – корень вреда.

При отсутствии напряженности в работе несомненна гибель как того, что уже достигнуто, так и того, что еще предстоит сделать. Напряженностью в работе достигается ее плод и полнота материальных благ.

Раздел 17. Предписания для царского жилища

Глава 20

В месте, предусмотренном наукой о постройке, пусть [царь] велит построить царский дворец с валами, рвом, воротами, окруженный несколькими дворами. Соответственно расположению сокровищницы пусть он велит построить спальню, или обиталище с обманами, с тайными проходами в стенах и среди него спальню, или подземное обиталище с дверями, на которых деревянные изображения божеств или чайтья³⁴, со многими подземными ходами и выходами, или верхний ярус с потайными лестницами в стенах или с пустым для входа и выхода столбом. Пусть на случай защиты от беды сделает спальню, где посредством машины опускается пол. Или пусть царь велит все это сделать в случае бедствия. Или же иначе велит сделать из боязни перед товарищами молодости.

Внутренние покои, если их обойти, имея их справа, трижды, держа человеческий огонь³⁵, не подвергаются опасности от другого огня, и там не горит никакой другой огонь. То же имеет место, если стены обмазаны пеплом, образовавшимся при ударе молнии, смешанным с глиной и водой от града. Змеи и яды бессильны по отношению к внутренним покоям, которые защищены растениями дживанти, швета, мушкака, пушпавандака или веткою фигового дерева, выросшего близ растения акшива³⁶. Отпуская на волю кошек, павлинов, ихневмонов и пятнистых антилоп уничтожаются змеи. Попугай, сорока и птица-вилохвостка кричат, когда есть подозрение на [присутствие] змей и яда. Цапля бесится вблизи яда, фазан млеет, опьяненная кукушка умирает, глаза куропатки обесцвечиваются. Таким образом пусть оказывается противодействие огню, яду, змеям.

За царским жилищем в отделении двора должно находиться обиталище женщин и местопребывание тех [женщин], которые отделены врачами из-за болезней, связанных с

³⁴ Похожее на колонну сооружение, в котором содержались мощи или пепел, оставшийся после сожжения тела святого подвижника.

³⁵ Здесь Каутилья говорит о магических действиях, которые должны сделать дворец неуязвимым.

³⁶ *Дживанти, швета, пушпавандака* – виды лекарственных растений. *Мушкака* – дерево, чья зола считалась целебной. *Акшива* – род хрена.

беременностью, и место для деревьев и воды. Вне этого – помещение для царевен и царевичей. Впереди помещение для украшений, место для совещаний, помещение для приемов, помещение для наследника престола и чиновников. В промежутках между дворами должны находиться охранные войска, надзирающие за женскими покоями.

Пусть царь видится с царицей во внутренних покоях только после того, как она осмотрена старухами. Ни к одной из женщин он не должен идти в ее покои. Ведь спрятавшись в покоях царицы, брат убил Бхадрасену, сын убил Карушу, спрятавшись в постели матери. Одна царица убила царя Каши, смазав зерно ядом под видом меда, другая убила Вайрантью кольцом с ноги, смазанным ядом, [еще другая] – владыку Саувиры драгоценным камнем пояса, [еще другая] – Джалутху зеркалом, а Видуратху царица убила, скрыв оружие в косе³⁷. Поэтому пусть царь избегает подобных положений.

Пусть царь запрещает [своим женам] общение с бритыми и носящими косу отшельниками, фокусниками и чужими служанками. И пусть их не посещают родственницы, кроме как в случаях беременности или болезни. Гетеры могут их посещать только после того, как очистят тело мытьем и обтиранием, и после того, как их платье и украшения будут перебраны. Мужчины восьмидесяти лет или женщины пятидесяти под видом отцов и матерей, старые евнухи и домашние служители должны проверять честность и нечестность женщин терема и должны направлять их к пользе владыки.

Пусть все живут каждый на своем участке и не посещают чужих, и пусть никто из живущих внутри дворца не общается с живущими вне его. И всякий отмеченный при вносе и выносе предмет, проверенный, должен уходить или приходить во дворец снабженным печатью с указанием места назначения.

Раздел 18. Охрана особы [царя]

Глава 21

Как только царь встанет, пусть он будет окружен отрядами женщин с луками, во втором дворе – носящими тюрбаны слугами, евнухами, домашними слугами, в третьем – горбатыми, карликами, горцами, в четвертом – советниками, родственниками и привратниками-копьеносцами.

Приближенными пусть он делает тех, кто был еще у его отца и деда, имеет знатное родство и связи, образован, предан и опытен в деле. Пусть не делает приближенными иностранцев, или тех, кому не были даны награды или не оказано было внимания, или даже людей из своей страны, если они были приняты вновь на службу, после того как провинились. Царя и дворец должен охранять отряд, надзирающий за теремом.

В скрытом месте главный повар должен делать свое дело при частом пробовании на вкус всего. Пусть царь, также [пробуя], вкушает, принеся сперва жертву пищей огню и птицам. Если в пище яд, то пламя и дым огня темно-синие и раздаются треск, а птицы умирают. Пар от пищи с ядом подобен цветом горлу павлина, быстро наступает ее охлаждение, она обесцвечивается как порченная, становится водянистой и недоваривается; соуса быстро высыхают, навар их получает разорванный налет из черной пены, и исчезает их [обычный] запах, ощущение от прикосновения, вкус. У супов цвет становится или слишком ярким, или слабым, на налете пены вверху по краям отделяется полоса. У топленого масла посередине полоса темно-синяя, у молока – медно-красная, у опьяняющих напитков и воды – черная, у

³⁷ *Бхадрасена*, царь Калинги, был действительно некогда убит своим братом *Вирасеной*. *Каруша* – мифический царь одноименной страны, расположенной в Центральной Индии. *Каши* – другое название города Бенарес. *Вайрантья*, *владыка Саувиры*, *Видуратха* – неизвестные нам цари. *Джалутха* – древний государь Айодхьи, царства в долине Ганга.

кислого молока – коричневая, у меда – белая. Сочные предметы становятся вялыми и переваренными, их навар становится темно-синим или темно-коричневым. Сухие [предметы] быстро распадаются и обесцвечиваются. Жесткие [предметы] становятся мягкими и мягкие – жесткими. Вблизи их мелкие существа погибают. На коврах и одеждах [от яда] появляются темные круги и выпадают волокна у ниток и волос.

Предметы из металла и драгоценных камней покрываются [как бы] пятнами грязи, и уничтожаются их гладкость, цвет, тяжесть, блеск, форма, и [пропадает] обычное ощущение от прикосновения к ним. Это признаки наличия яда.

У подносящего яд лицо высыхает и становится темным, появляются остановка речи, пот, зевота, чрезмерная дрожь, спотыкание, смотрение в сторону при разговоре, погружение в работу, неспособность оставаться на месте. Поэтому пусть вблизи царя будут знатоки ядов и врачи.

Врач должен давать царю лекарство, взяв его из помещения для лекарств [аптеки], испытанием определив его чистоту и попробовав его через посредство варящего и растирающего лекарства и лично.

То, что надо сделать с питьем и водою, объяснено по отношению к лекарствам.

Брадобрей и прислужники с платьем и руками, чистыми после купанья, должны прислуживать царю, взяв из рук служителей терема нужные приборы, снабженные печатями.

Рабыни пусть исполняют обязанности банщиков, массажистов, приготавливающих ложе, прачек и изготовителей гирлянд, или же [пусть этим занимаются] находящиеся под их наблюдением искусные в этих занятиях лица. Пусть они подают платья и гирлянды, приложив их сперва к своим глазам, а мази, употребляемые при купании, порошки для натирания, благовония и предметы, употребляемые для купания, пусть прикладывают к своей груди и рукам. Этим объяснено и обращение с предметами, поступающими от чужих.

Лицедей должны увеселять царя, не употребляя оружия, огня и яда. Их музыкальные инструменты должны находиться внутри [дворца], так же как и украшения коней, колесниц, слонов.

Царь пусть садится в повозки и на верховых животных, [только] если за ними смотрят слуги, перешедшие к нему по наследству; на корабль пусть садится, только если его обслуживает опытный корабельщик. Пусть он не садится на корабль, который привязан к другому или находится во власти ветра. При этом на берегу пусть находится отряд воинов. В воду пусть он входит, только если в ней нет рыб и крокодилов. В рошу пусть [царь] входит, только если она очищена от диких зверей и змей. Для того чтобы упражняться в стрельбе по двигающейся цели, пусть царь отправляется в лес для антилоп, из которого охотниками со своими собаками устранена опасность нападения со стороны воров, диких зверей и врагов. Пусть [царь] принимает святых отшельников, [только] если при нем находятся опытные вооруженные люди. Посла соседнего царя пусть принимает только окруженный собранием советников. К [своему] вооруженному войску пусть отправляется только вооруженный или на коне, слоне или колеснице.

При выезде и въезде царь пусть двигается по главной улице, с обеих сторон охраняемый людьми с палками, причем [с улицы должны быть] удалены вооруженные, отшельники и калеки. Пусть царь не выходит на улицу, где скопился народ. На религиозные процессии, собрания, празднества, увеселительные поездки пусть он отправляется, только если на них несут охрану люди, возглавляющие группы телохранителей из десяти воинов.

Подобно тому как царь через агентов наблюдает за другими, так пусть он охраняет себя от нападений других, если он рассудителен.

Шестой отдел Об основах государства

Раздел 96. О совершенстве основ государства

Глава 1

Основными элементами государства являются: государь, министр, сельская местность, укрепленные города, казна, войско и союзники.

При этом идеал государя является следующим: он должен быть высокого рода, со счастливой судьбой, обладающим умом и положительными качествами, обращающим внимание на [совет] старых и опытных людей, справедливым, правдивым, не изменяющим своему слову, благодарным, щедрым, в высшей степени энергичным, не имеющим обыкновения медлить, господином своих вассалов, с сильной волей, не имеющим в своем окружении лиц негодных и охотно принимающим наставления. Вот качества, которыми он привлекает к себе людей.

[Он должен обладать] любознательностью, способностью учиться, воспринимать, удерживать в памяти, познавать, размышлять по поводу познанного, отвергать негодное и проникать в истину. Вот качества ума [которые должны быть свойственны ему].

[Он должен обладать] храбростью, настойчивостью, быстротой и ловкостью. Это суть качества, характеризующие его деятельность.

Он должен быть красноречивым, находчивым, обладающим памятью, сметливостью и физической силой, быть высокого образа мыслей, легко обуздываемым, искусным, действующим военной силой в случае притеснения [со стороны врагов], видимым образом воздающим за добро и зло, стыдливым, принимающим меры против бедствий или для охраны подданных, дальновидным, обращающим главное внимание на правильное применение людей в надлежащее время и в подобающем месте, искусным при выборе мира, войны, послаблений, крутых мер, верности договорам или использовании слабых мест врагов, сдерживающимся, веселым, смеющимся, имеющим прямой и нехмурый взгляд, свободным от страстей, гнева, жадности, надменности, рассеянности, вспыльчивости и склонности к клевете. Он должен говорить приятное, в разговоре улыбаться и вместе с тем держать себя достойно и поступать согласно наставлениям опытных людей. Вот положительные качества государя как личности.

Раздел 97. О мире и труде

Глава 2

Мир и труд являются основами благополучия. Трудом мы называем напряжение сил для доведения до конца предпринятого дела. Наслаждение благополучием, заключающимся в использовании плодов работы, мы называем миром [или мирным благосостоянием].

Основами для мира и труда являются шесть методов политики.

Результатом [применения] этих методов являются упадок, застой и развитие.

При этом человеческими [возможностями] являются правильная или неправильная политика. Успех же или неуспех являются посланными божеством.

Ибо действия божественные и человеческие приводят в движение мир. То, что совершается невидимым образом, есть действие божества. Если же при этом действии происходит достижение желанного результата, то это будет успех. В обратном же случае – это неудача.

Человеческое [действие] есть то, что совершается видимым образом. Если при этом достигается благополучие, то это правильная политика. Если же вызывается несчастье – это неправильная. Эти [человеческие действия] могут быть объектом мысли [т. е. они постижимы]. Действия же божественные непостижимы.

Государь, обладающий личными качествами, богатством и совершенными основами государства, является основой правильной политики и называется тем, кто имеет основание победить. Вокруг него, образуя окружение, непосредственно прилегающее к его земле, находится тот фактор, который представляют собой враги. Подобным же образом мы имеем фактор [или основу], которую представляют собою союзники, отделенные другой землей.

Соседний государь, обладающий отличительными чертами врага, есть противник. Если он попадает в беду, то он является таким, против которого выгодно идти войной. Если он не имеет опоры или же средства защиты его слабы, то он является таким, которого можно уничтожить. В противном случае он является таким, которого следует теснить или ослабить. Вот различные виды противников.

После них [имеющий основание победить] должен принимать в расчет в непрерывной последовательности земли собственного союзника, союзника врага, союзника собственного союзника и союзника союзника врага.

За собою он имеет: [враждебного государя, который] может напасть на него сзади, и дружественно настроенного, который нападает на первого. Также имеются сообщник нападающего с тыла и сообщник находящегося в тылу дружественного государя.

[Государь], земля которого непосредственно граничит [с владением того, кто имеет намерение победить], есть основной враг. Если он принадлежит к тому же роду, то его называют природным врагом. Тот же, с которым возникла вражда или который предпринимает агрессивные действия, есть враг благоприобретенный.

[Государь], земля которого отделена другой землею, есть основной союзник. Если он приходится родственником его с отцовской или материнской стороны, то он называется природным союзником. Если же он примыкает [к государю, намеревающемуся победить], так как получает от него деньги или средства к существованию [или так как он обязан ему получением денег и жизнью], то он называется благоприобретенным союзником.

Есть, кроме того, иной государь, земля которого граничит с владениями желающего победить и его врага, который способен помочь тому и другому, находятся ли они в соприкосновении или нет, а также способен справиться с каждым из них в отдельности. Это есть государь «срединный».

Далее, имеется иной, «стоящий особняком», в стороне от врага, желающего победить, и «срединного». Он по основам своего государства является более сильным, чем [другие трое]. Он способен оказать помощь врагу, желающему победить, и «срединному» вне зависимости от того, находятся ли они в соприкосновении или нет, а также справиться с каждым из них, если они разобщены.

Вот основы политики.

У желающего победить три основных фактора: он сам, его союзник и союзник этого союзника. Каждый из этих факторов находится в связи со своими пятью факторами, то есть министрами, сельскими местностями, укрепленными городами, казною и войском. Таким образом, весь круг [факторов для победы] состоит из 18 таких факторов.

Этим самым указывается круг факторов по отношению к врагу «срединному» и «безразличному» в отдельности.

Вот вкратце четыре круга факторов. Имеются 12 факторов в виде государей и 60 вспомогательных факторов, а всех вместе взятых 72.

Каждый из этих факторов имеет [как указано было] определенные идеальные качества [которых следует достигнуть].

[Далее, принимаются во внимание] возможности и достижения. Возможности заключаются в силах, а достижение есть счастье [победы].

Силы бывают трех видов: сила знания, то есть возможности, представляющиеся в виде совета; силы, состоящие в казне и в войске, – это возможности, которыми располагает государь; и сила героизма – возможность, заключающаяся в энергии [войска].

Подобным же образом достижение бывает трех родов: достижение благодаря возможности, заключающейся в совете, – достижение посредством совета; достижение посредством возможностей, которыми располагает государь, – достижение властью, и, наконец, достижение благодаря возможности, заключающейся в энергии, – достижение посредством энергии.

[Государь], у которого [эти возможности] имеются в превосходной степени, считается преобладающим. Тот, у которого они имеются в более слабой степени, считается малосильным, а располагающий одинаковыми силами – равным. Поэтому [государь] должен стараться, чтобы силы и достижения стали его достоянием. Или же, если он равен другим, [то должен укреплять свои силы] путем приведения в надлежащее состояние своих вспомогательных факторов в их последовательности и путем правильного, честного образа действия. Или же он должен стараться отнять силу у врагов и своих собственных недоброжелателей.

Далее, он может заметить следующее: враг мой обладает силой, но тем не менее в будущем [по гордости своей] погубит свои же собственные государственные факторы путем оскорблений словами, действием и притеснениями. Или же, достигнув своей цели, он [враг] станет беспечным, предаваясь удовольствиям охоты, игре, вину и женщинам. Его подданные будут враждебно относиться к нему, он будет ослаблен или пребывать в беспечности, и, таким образом, я смогу справиться с ним. Или же: враг, подвергшийся нападению, должен будет находиться со всеми своими силами в одном месте или укрепленном городе. Его войско будет стеснено, и он, лишенный союзников и укреплений, легко попадет в мои руки. Или же: [вражеский] государь, обладая значительными силами, имеет намерение уничтожить [моего иного] врага в другом месте. Уничтожив этого врага, он не будет стараться сокрушить меня. Если я буду тесним сильным или если мои начинания потерпят неудачу, то он окажет мне поддержку, равно как и в случае, если на меня посягает «срединный» владетель. На основании таких и подобных соображений [желающий победить] будет [временно] желать усиления и успеха хотя бы врагу.

Сделав государей, отделенных другой землей [т. е. союзников], как бы ободом колеса, а непосредственно граничащих [т. е. врагов] – спицами [этого колеса] и себя самого – ступицей, [желающий победить] должен располагать своим кругом факторов [для победы]³⁸.

Враг, находящийся между предводительствующим [т. е. желающим победить] и его союзником, будет уничтожен или тесним, хотя бы он и обладал значительной силой.

³⁸ Таким образом, Каутильяс основание для союза видит в *отсутствии общей границы*, что означает отсутствие взаимных территориальных претензий.

Разделы 101 и 102. Применение методов политики [царем], равным [врагу], более сильным и более слабым. Заключение мира более слабым

Глава 3

Желающий победить должен применять шесть методов политики сообразно со своими силами. С равными ему по силам и с более сильным он должен пребывать в мире. С более слабым он может воевать. Ведь тот, на которого более сильный идет войной, становится подобным пехотинцу, сражающемуся со слоном. Если же он воюет с равным, то это приводит лишь к потерям с обеих сторон, подобно тому как разбиваются два необожженных горшка, если их столкнуть. Только тот, кто воюет с более слабым, имеет успех, будучи подобным камню, разбивающему глиняный сосуд.

Если более сильный не желает мира, то следует вести себя, как будто покоряешься силе, или же применять хитрые методы, пока не представятся возможности усилиться самому.

Если равный не желает мира, то нужно причинять ему вред в той самой мере, в какой тот вредит [данному государю].

Ибо огонь сплавляет [металлы] и не может незакаленное железо соединиться с другим железом.

Если более слабый во всех отношениях показывает свое подчинение, то следует заключить с ним мир. Ибо как следствие желания мести за причиненное страдание может явиться сила [или боевой жар], равный лесному пожару, который может привести к победе [хотя бы и более слабого]. Кроме того, такой [государь] может найти поддержку в своем круге государств.

[Государь], заключивший мирный договор, может иметь следующие соображения: подданные врага, жадные, истощенные и неудовлетворенные, не переходят на мою сторону только потому, что боятся вновь попасть под власть [своего притеснителя]. В таком случае он может начать войну, хотя бы он и был более слабым.

Более сильный, находясь в состоянии войны, может стремиться к миру, если видит, что подданные врага, жадные, истощенные и неудовлетворенные, не переходят к нему только потому, что боятся войны. Он может, следовательно, заключить мир или успокоить [устранить] боязнь войны. Далее, более сильный также может стремиться к миру, если видит, что при несчастьях, постигающих одновременно и его и врага, он сам терпит большие лишения, а враг – только незначительные и что поэтому [враг], легко устранив свои недочеты, будет теснить его.

Более сильный должен пребывать в выжидательном положении, если он видит, что одинаково, как в состоянии войны, так и в состоянии мира, не будет ни ущерба для врага, ни преуспевания для него самого.

С другой стороны, и более слабый может переходить в наступление, если предвидит, что возникающие у врага затруднения неустранимы.

Более сильный должен искать союза, если [он видит], что ему вскоре угрожают затруднения, которые невозможно предотвратить.

Более сильный должен прибегать к двойной политике, если он видит, что может достигнуть успеха при помощи мира, с одной стороны, и [при помощи] войны – с другой.

Вот вкратце что касается применения шести методов политики. В отдельных чертах мы имеем следующее:

Если более слабый [государь] подвергся нападению со стороны сильнейшего, который двинул свои войска, то он должен немедленно уступить силе, заключив мир и жертвуя своею

казной, войском, самим собою и землею. Он может предоставить [в распоряжение более сильного] самого себя с некоторым количеством войска или со всей военной силой. Такого рода мир называется купленным своею собственною личностью.

Возможна передача [в распоряжение более сильного в качестве заложников] военачальника и наследника-соправителя [или вообще царевича]. В таком случае это будет «мир с предоставлением других лиц» [в качестве заложников]. Такой мир обеспечивает безопасность для собственной особы.

Далее, может быть мир такой, при котором или сам [государь], или войско его должны удалиться в другое место. Это называется «миром без особых заложников», охраняющим самого государя и начальников войска. В первых двух случаях [государь] может отдать заложниками своих начальствующих лиц или жен, а при третьем виде он может тайным образом одолеть врага. Вот виды мира, когда [государю] приходится уступать силе.

Путем отдачи казны можно достичь освобождения других государственных факторов. Это есть «мир-выкуп». Он может быть заключен, когда это признается выгодным.

Далее, известен «мир с поборами», при котором возлагаются на плечи [данного государя] многочисленные [платежи]. Заключение такого мира там, где время и место не подходят, является ошибкой.

Имеется иной род мира – так называемый «золотой мир», который возможен на основании платежей в будущем, а также посредством заложников в виде женщин. Такой основан на доверии и заключается по договору.

Обратный ему есть «мир нищенский», продиктованный с чрезмерными требованиями платежей. При первых двух видах следует платить сырым материалом или же слонами и конями, которые потом принесут вред [врагу]³⁹.

При третьем следует отдавать деньги. При четвертом, говоря о гибели всех своих начинаний, [закрывающий мир] должен оттягивать время. Вот виды мира, достигаемого отдачей казны.

Далее, имеется «мир с уступками», при котором путем отдачи части земель представляется возможным сохранить основные владения и подданных. При этом такой вид мира является желательным [для государя], стремящегося к уничтожению мошенников и воров.

Существует также «мир того, кто совершенно истощен». Он состоит в уступке земель, с которых [предварительно] собраны принесенные ими плоды. В эти земли не входят те, которые образуют коренную основу владений. Такой мир заключается в расчете на [последующие] затруднения врага.

Еще имеется «мир с отдачей внаем», при котором обретается свобода путем отдачи плодов земель. Кроме того, есть «мир, вредящий врагу», заключаемый с обещанием дать больше, чем приносят земли.

Первые два из этих видов такие, при которых [желающий победить] занимает выжидательное положение. Вторые два заключаются до тех пор, пока [закрывающий их] не усилится.

Вот виды мира, сопряженные с уступкой земель и с отдачей плодов.

Эти виды мира заключаются в силу обстоятельств и в соответствии с временем и местом. Мир, заключенный более слабым, в его трех видах длится, пока заключивший его не станет сильным.

³⁹ То есть животными, которые имеют какие-либо недостатки.

Античность

Честолюбцы и «первые среди равных»

Античное восприятие политики неоднократно ставило в тупик даже самых тонких ученых. После окончания греко-персидских войн великий греческий историк Геродот заявил, что главное различие между эллинами и варварами состоит в том, что у последних свободен только один царь (в первую очередь он имел в виду персидского царя, захватившего большую часть известной грекам варварской ойкумены), у эллинов же свободен каждый. Между тем ни одна другая средиземноморская цивилизация эпохи древности не знает такого количества тиранов и столь частых восхвалений царской власти. «Приложили руку» к этому не только поэты, подобные Симониду или Вакхилиду, но и историки (Ксенофонт, Полибий), а особенно философы.

Можно было бы списать это на пресловутый кризис полиса, о котором нередко говорят историки-антиковеды. При этом, правда, получается странная вещь: почти весь период своего существования полис оказывается в состоянии кризиса: начиная с VII века до н. э. вплоть до завоевания Греции Римом. И каждое столетие знает великих тиранов и царей, которых называют не просто славными, но богоравными!

Грекам принадлежит определение человека как политического животного. Обычно это понимают следующим образом: от животного человек отличается способностью создавать политический организм, невозможностью существовать вне и помимо него.

Однако превращение человека в подобие муравьев или пчел, которые, как известно, также живут исключительно совместно, выглядит как-то странно. «Политическое» на самом деле в Греции, а потом в Риме было обозначением способности заниматься гражданскими делами, управлять, обладать властью.

Здесь и кроется источник преклонения свободолюбивых греков перед царями и тиранами. В основе существования и первых, и вторых была власть. Эллина участвовали в управлении своим государством, заседали в оплачиваемых из общественной казны судах, делегировали своим представителям право голосовать на общегреческих собраниях. Поскольку численность населения древнегреческих полисов была относительно небольшой, был слышен голос каждого – даже в тех государствах, где у власти находились аристократия или какой-то род олигархов. Так или иначе, они принимали участие в принятии решений – а это делало эллина эллином.

Когда греческим мистикам было нужно показать, насколько душа превосходит тело, они писали, что души, пока они не родились на этой земле, *правили* всем Космосом, будучи божественными сущностями. Даже когда после походов Александра Великого греческое сознание стало космополитическим, самые радикальные философы все равно говорили о государстве – весь мир, по их мнению, являлся единым полисом, населенным душами людей и бессмертных богов.

Цари и тираны были носителями той же идеи – идеи власти. Единственное, но коренное отличие от рядового эллина заключалось в том, что в своей власти они не давали отчет никому. Монарх до такой степени сосредотачивал в себе политическую природу человека, что в глазах эллинов оказывался выше рода людского.

Греки, эти законченные честолюбцы, не скрывали своего почтения перед теми, кто добился славы. В случае политического успеха слава была почти абсолютной. Баловни судьбы – вроде великого самосского тирана Поликрата – считались настолько вознесенными над людьми, что боги, ради сохранения в мироздании гармонии, обрушивали на таких свою

ревность. Поликрата распяли персы, но жизнь его, однако, не стала менее завидной. Грек рассуждал так: слава – знак богоизбранности, пусть сами боги и кладут предел судьбе выдающегося человека! От этого герой, осмелившийся пройти до конца по уготованному ему пути, становился только еще более почитаем. В Коринфе существовал даже культ Сизифа, мифического персонажа, чей бессмысленный труд в Аиде вошел в поговорку. Однако предшествовавшее наказанию его успешное соперничество с богом преисподней возвышало этого легендарного человека настолько, что он был удостоен почестей героя-полубога.

Конечно, монархия в греческих городах-государствах имела различные формы. Аристотель в своем сочинении «Политика» дает нам достаточно полный их обзор. Крайними вариантами являлись, с одной стороны, законная царская власть, полученная в соответствии с записанными или неписаными законами данного города (то есть по наследству, в результате избрания «лучшими людьми» и т. д.), с другой же – тирания, власть приобретенная вопреки обычаю и справедливости. Многие из древних греков напрямую связывали желание стать тираном со стремлением к удовольствиям. Чтобы удовлетворить все свои, даже самые прихотливые, потребности, нужно было добиться положения, при котором в руках монарха оказывались все ресурсы государства – и финансы, и жизнь, и честь самих горожан.

Но не стоит считать, что стремление к удовольствиям в массе греков воспринималось как что-то низменное. Наоборот, многие из них полагали, что это и есть счастье, подобие богам, которые также обладают абсолютной властью.

Греческие философы и моралисты прилагали немало усилий для того, чтобы развенчать мнение о совершенном счастье тирана. В их сочинениях узурпаторы выступают загнанными одинокими волками, которые пожирают собственных родственников и насилюют подвластный им город из страха, что кто-либо отнимет у них власть, а вместе с ней и безнаказанность. На самом деле тиран – несчастнейший из смертных: вот что они хотят втолковать читателям.

Нет сомнений, что в этом взгляде на тиранов было много правильного. Однако вот еще один парадокс, встречающийся во всех культурах и во все времена: именно при дворах Периандра, Писистрата, Гиерона, Дионисия Старшего эллинские художники, поэты, философы находили и приют, и условия для творчества, и, как ни парадоксально, возможность «говорить свободно»! Присутствие рядом неограниченного властителя только и могло сделать колкости Платона или киника Диогена проявлениями свободомыслия. В иных ситуациях они просто «не звучали».

Может быть, поэтому у большинства греческих авторов в их рассуждениях встречается неожиданный на первый взгляд поворот: тиран, конечно, неправедным путем и с неправедной целью приходит к власти, но если он мудр, а еще лучше, если рядом с ним находится мудрец, которому этот тиран доверяет, то его правление совсем не будет злом для подданных.

Теоретические рассуждения о политической сфере, которые появляются в Греции в эпоху расцвета философской мысли, выводят власть из сущности человека. Люди, чья душа, в отличие от душ животных, разумна, могут построить свою жизнь на рациональных основаниях. Таким образом, власть – это естественная для человека организация жизни, которая достигается благодаря закону (*nomos*) и разумной речи (*logos*). Речь – вообще определяющая черта человеческого сообщества: она позволяет продемонстрировать степень справедливости, здравомыслия и благоразумия человека, благодаря ей можно договориться об образе жизни, который устроил бы всех граждан полиса. Речь, в идеале, приводит к власти самых достойных.

Именно поэтому античный человек – публичное существо. Он живет в ауре речей, бесед, судебных споров. Один из самых крайних примеров особого отношения даже к звуку человеческого голоса – голосование в Спарте, которое происходило путем оценки того, за какое предложение собрание кричало громче.

Поскольку власть есть организация жизни и распределение прав, осуществляемая ради блага либо всех (к чему призывали философы), либо тирана, она опирается на искусство, которому можно научиться. Особенностью греческого подхода к технике власти является подчеркивание необходимости знать, кем правишь. Речь идет не столько об обычаях или языке подданных, сколько о состоянии их души. Человек, живущий в олигархическом обществе, отличается от человека, привыкшего к демократическому режиму, и потому методы управления во втором случае должны быть иными, чем в первом. Различные виды правления связаны с различными состояниями души подданных и, в сущности, рождены ими. «Аристократичность» или «тоталитарность» – это не случайные умонастроения, а глубокие состояния души, которые невозможно сменить простым благопожеланием правителя.

Платон, первым связавший метафизическую психологию и политическую теорию, служит несомненным уроком для современных отечественных реформаторов: невозможно совершать скачок через склад души, который когда-то привел к тоталитарной власти. Необходимо постепенное и поступенное освобождение от стереотипов, которые не просто были навязаны извне российским гражданам, но соответствовали состоянию их «внутреннего человека». В ином случае любая идея и идеология «нагружаются» чуждым им содержанием и становятся орудием в руках все того же глубинного желания земного и посястороннего царства Божия – в отдельно взятой стране или в отдельно взятой судьбе. Что мы и наблюдали в течение десяти лет, когда идеология демократизма или либерализма служила прикрытием для совсем других жизненных целей, выражаемых простой формулой: «кто смел – тот и съел».

После походов Александра Македонского и складывания эллинистических государств в античной культуре начинают бороться две идеологии. С одной стороны, в условиях войны всех против всех сильная царская власть казалась гарантией по крайней мере жизни, если уж не свобод. Греческое преклонение перед выдающимся человеком здесь соединилось с восточным культом царя как человекобога, результатом чего стало отношение ко всевозможным Птолемям, Антиохам, Деметриям как к мессиям.

С другой стороны, начинаются поиски такой системы управления, которая в наибольшей степени уравнивала бы разнообразные складки души, присутствующие среди жителей полиса. Самый известный «проект» принадлежит историку Полибию (II в. н. э.), который считал, что такого рода систему смог создать Рим. Консулы являются выражением царской власти, сенат – аристократической, а голосование по трибам – демократии. Таким образом римское «дело народа» (республика) было истолковано Полибием как достижение того идеала, к которому безуспешно стремилась Греция.

Римское государство в действительности шло по тому же пути, что и греческие полисы. И здесь публичность и честолубие были двигателями развития общества. Правда, со времен республиканского переворота, сбросившего последнего римского царя, честолубие оказалось направлено в определенное русло: служения Риму и идеалам республиканского строя. В III–II веках до н. э. римляне, одолевшие и вооруженной силой, и экономически всех соперников в Средиземноморье, узнали (от греков, подобных Полибию), что их строй – действительно наилучший. В I веке до н. э. это стало основным положением их идеологов, подобных Цицерону, отстаивавшему исключительность римского гения и римской системы ценностей с не меньшим пылом, чем современные американские политики ставят всем в пример США.

Республиканская идея оказалась настолько сильна, что даже после установления монархической власти императоров-принцепсов римское государство официально именовалось республикой, а его граждане, все более начинавшие походить на подданных восточных монархий, именовали себя римлянами с той же гордостью, что и поколение победителей Ганнибала и Филиппа Македонского.

Впрочем, античное отношение к власти позволило найти в идее республики лазейку, благодаря которой в римской идеологии смогли утвердиться начала авторитаризма. Речь идет об убеждении, что политическая сфера рациональна и здрава. А если так, то разве не здраво будет передать власть в руки человека, который зарекомендовал себя с наилучшей стороны – и как администратор, и как воин, и как харизматическая фигура?

Такого рода «наилучшими» и стали принцепсы, «первые среди равных». Вначале Юлий Цезарь, а затем Октавиан Август идеологически подкрепляли свой режим тем, что экстраординарность сосредоточенной в одних руках власти базировалась на экстраординарности личности правителя. Тем более что апологет республики Цицерон, действуя в духе эпохи, проповедовал, что спасители государства, подобные победителю Ганнибала Сципиону Африканскому, являются божественными посланниками, занимающими после смерти место среди богов⁴⁰. И Цезарь, и Август, и их преемники с удовольствием восприняли эту концепцию, а большинство римлян действительно поверило по крайней мере в богоизбранность этих республиканских монархов.

Так мессианство восточное слилось с западным (римским и греческим) представлением о богоизбранности монарха. Отсюда вырос римский универсализм, который стал мостиком к средневековому представлению о власти и о государе.

Для публикации отобрано два древнегреческих текста, в которых речь идет о фигуре государя, о природе политического управления, а также о соответствии склада души и формы власти:

1. Небольшое сочинение Ксенофонта «Гиерон», посвященное вымышленной беседе между сиракузским тираном Гиероном (ок. 530–466 до н. э.; правил Сиракузами с 478 г.) и поэтом Симонидом, который некоторое время жил при его дворе.

КСЕНОФОНТ АФИНСКИЙ (ок. 430–355 до н. э.), ученик Сократа, один из выдающихся античных писателей и военных деятелей, оставил после себя значительное литературное наследие. Ему принадлежит знаменитая «Греческая история», являющаяся продолжением труда Фукидида, «Анабасис» – описание возвращения десяти тысяч греческих наемников, участвовавших в неудачном походе на Вавилон Кира Младшего, из Месопотамии в метрополию, воспоминания о Сократе, небольшие трактаты, посвященные обучению конницы и охоте... Особое место в его творчестве занимают сочинения, посвященные фигуре государя: известная воспитательная утопия «Киропедия», жизнеописание спартанского царя Агесилая, вместе с которым Ксенофонт совершил несколько военных кампаний в Малой Азии и в Греции, а также публикуемый ниже «Гиерон».

Гиерон из рода Диноменидов – один из братьев сиракузского тирана Гелона, – после смерти последнего объединил под своей властью обширные территории на Сицилии и на побережье Италии (в Кампании). С его именем связывают создание в Сиракузах, главном городе западных греков, тайной полиции, уничтожение свободы слова и подчеркнутую опору на наемников. Успешная внешняя политика, подкрепленная браками его семейства с тиранами других западногреческих городов, и победа на рейде италийского города Кумы над этрусским флотом (474 г. до н. э.) сделали Гиерона одним из самых известных монархов в истории Эллады. Неудивительно, что Ксенофонт выбрал для своего произведения именно этого человека, впервые в Греции установившего продуманный режим правления.

Двор Гиерона являлся одним из самых блестящих в первой половине V века до н. э. В Сиракузах некоторое время жили и писали оды по заказу монарха такие знаменитые поэты, как Пиндар, Вакхилид, Симонид. Эсхил ставил в Сиракузах своих знаменитых «Персов», а

⁴⁰ См. так называемый «Сон Сципиона».

также создал пьесу в честь основания Гиероном города Этна. При дворе Гиерона на старости лет побывал Ксенофан из Колофона, а сиракузец Коракс, один из зачинателей искусства риторики, привлекался тираном для участия в управлении державой.

Гиерон был интересен для Ксенофонта еще и потому, что не принадлежал к числу баловней судьбы. Большую часть своего одиннадцатилетнего правления он мучился от камней в мочевом пузыре и болезней желудка, которые, конечно, были вызваны вовсе не невоздержанностью правителя. Отношения в семье Диноменидов не были безоблачными, тем не менее Гиерон сумел удержать ее от распада, и после смерти правителя власть мирно перешла в руки его младшего брата, Фрасибула.

Сочинение Ксенофонта обладает четким внутренним сюжетом: вначале Гиерон сам перечисляет традиционные обвинения против тиранов. Из его слов можно сделать вывод, что тираническое правление является ловушкой, от чего страдает прежде всего сам узурпатор. Однако затем инициативу берет в свои руки Симонид, начинающий призывать Гиерона воспользоваться своим положением ради общего блага. Получается тот самый поворот в рассуждениях, о котором шла речь выше: исключительность положения тирана ставит его в ситуацию, когда возможен выбор противоположных направлений пути – к общему благу или собственной выгоде. Там, где возможно наивысшее зло, лежит основа и для совершенного блага. Монарх-тиран оказывается перед выбором и только от его воли зависит, какой избрать путь.

2. Восьмая книга «Государства» Платона, посвященная отношениям между видами государственного устройства и складами души.

ПЛАТОН (428–347 до н. э.) – великий античный мыслитель, создавший оригинальную политическую философию, до настоящего момента являющуюся предметом бурной полемики. Из Платона выводят и коммунистическую идеологию, и фашизм, ибо уже традиционно идею политической организации полиса, которая излагается в диалоге «Государство», расценивают как тоталитаристскую утопию. Более того, путешествия Платона в Сиракузы, которые тот предпринял в 60-х годах IV века, будучи приглашен тираном Дионисием Младшим, а позже правителем-реформатором Дионом, иногда пытаются расценить как попытку построить на базе этого сицилийского города государство по собственному образцу.

Подобная оценка, конечно, крайне поверхностна. Нужно напомнить, что в целом настоящий диалог посвящен идее справедливости. В первой книге этого сочинения Сократ и софист Фрасимах пытаются рассмотреть ее на примере отдельного человека. Поскольку сделать этого им не удастся, Сократ предлагает совершить акт идеации – то есть посмотреть на более общий предмет, где также проявляется данная идея. Таким общим предметом становится полис. Следовательно, государство, выведенное с почти математической точностью в данном диалоге, есть не проект политических преобразований, но идея справедливости! Как идея она существует вечно и присутствует во всех государствах – настолько, насколько те ей причастны.

Политический организм трактуется Сократом как «большой человек»: отдельным сторонам человеческой души соответствуют различные сословия. Всего Сократ усматривает три такие стороны: возделывающую (ей соответствуют земледельцы и ремесленники), благородные страсти (воины-стражи) и мудрость (философы, являющиеся правителями). Для того чтобы управлять низшими частями души, нужна сдерживающая сила совести и стыда. Точно так же для неразумных земледельцев и ремесленников необходимы направляемые разумными правителями воины, которые исполняют в первую очередь полицейские функции. Платон не отрицает возможности воспитания низших сословий в особой мифологической среде – чтобы им даже не могло прийти в голову изменить существующий строй.

Трехсословное деление вовсе не является умозрительной конструкцией Платона. Оно достаточно традиционно для архаического греческого полиса, где царский род правил, опираясь на сословие аристократов-воинов. Аналогию изображенной в «Государстве» структуре полиса можно найти и на античном Крите, и в Спарте, и в Египте.

Тот факт, что большинство граждан записаны в низшее сословие, лишенное доступа к власти над городом, может, конечно, вызвать протест у современного читателя. Однако нужно помнить, что Платон не причислял их при этом к какой-либо низшей расе, но просто говорил об уровне развития их душ *в этой жизни*. Признавая теорию реинкарнации, автор «Государства» оценивал человека с точки зрения того, насколько созрела его душа во время предшествующего круга рождений к тому, чтобы править – если не Вселенной, то хотя бы своей родиной. В последней, десятой книге «Государства» Платон пишет об этом прямо, рассказывая миф о загробном путешествии «Эра, памфилийца», наблюдавшего в момент восхищения богами на небеса, как происходит распределение будущих судеб среди душ, для которых пришел срок возвращения на землю.

Такого же рода эволюция рассматривается и в публикуемой книге «Государства». Только это эволюция «со знаком минус». Здесь рассказывается о том, как от аристократического состояния душа ниспадает до тиранического, теряя способность владеть собой, а значит, и быть властителем полиса.

Заметим, что и в данном случае мы оказываемся перед «человеком тираническим» – перед тем, кто может узурпировать свою собственную природу, а может и развернуться на 180 градусов – к Благу.

Р. Светлов

Ксенофонт

Гиерон, или О единовластии

Однажды к сиракузскому властителю – тирану Гиерону – прибыл поэт Симонид. На досуге, за беседой, Симонид спросил Гиерона:

– Гиерон, не можешь ли ты рассказать мне то, что, по всей вероятности, знаешь лучше меня?

ГИЕРОН. Что же я могу знать лучше тебя, известного мудреца?

СИМОНИД. Я знаю, что ты прежде был частным человеком, а теперь – владыка Сиракуз. Поэтому естественно, что, испытав положение частного человека и единовластного владыки, ты более меня знаешь, чем отличается то и другое в отношении человеческих радостей и горестей.

ГИЕРОН. Если так, то ты, как частный человек, должен сперва напомнить мне то, что бывает в частной жизни. В таком случае, полагаю, я лучше покажу тебе различие той и другой жизни.

СИМОНИД. Изволь. Насколько я заметил, частные лица испытывают приятные и неприятные ощущения, а именно: от предметов зрения – посредством глаз, от предметов слуха – посредством ушей, от предметов обоняния – посредством носа, от кушаний и напитков – посредством рта. От чувственных удовольствий – известно, посредством чего. Холод и теплоту, жесткое и мягкое, легкое и тяжелое мы различаем всем телом, то же происходит с приятными или неприятными ощущениями. Хорошее и дурное доставляет нам приятное или неприятное ощущение иной раз лишь посредством души, иной раз посредством души и тела вместе. Сон также доставляет нам приятное ощущение, но как, посредством чего и когда, это я еще менее понимаю, хотя само собою ясно, что в состоянии бодрствования предметы производят на нас более ясное впечатление, чем в состоянии сна.

ГИЕРОН. Что касается ощущений, я не могу сказать, чтобы властитель испытывал их иначе, а не так, как ты говоришь, так я не знаю, отличается ли с этой стороны жизнь властителя от жизни простого человека.

СИМОНИД. Отличие состоит вот в чем. От каждого предмета властитель получает во много раз больше радостей и во много раз меньше горестей.

ГИЕРОН. Нет, Симонид, далеко не так. Знай, что властители испытывают радостей куда меньше, чем частные лица даже среднего состояния, а горестей у них гораздо больше, и они чаще.

СИМОНИД. Невероятно! Если бы так было на самом деле, то почему столь многие жаждут вашей власти, притом люди, считающиеся совершеннейшими? Отчего все завидуют властителям?

ГИЕРОН. Оттого, без сомнения, что смотрят на владыку, не зная его положения. Я постараюсь доказать тебе истину моих слов и начну со зрения, так как, помнится, и ты начал оттуда. Итак, рассуждая о предметах, на которые мы смотрим, я нахожу, что в этом отношении властители лишаются очень многого. Во всякой стране есть свои достойные внимания места. Частные лица посещают и эти места, и красивейшие города, и те общественные собрания, где находится все, достойное особенного внимания человека. Но властителям-тиранам далеко не до зрелищ. Они не могут безопасно отправиться туда, где их сила будет уступать силе собравшихся там; дома же они не имеют таких надежных мест, куда положить свои богатства и, вверив их известным лицам, выехать из города. Им грозит опасность одновременно лишиться власти и остаться в невозможности наказать обидчиков. Ты можешь сказать, что все эти зрелища сами идут к властителям, и притом тогда, когда они остаются дома. Это так. Но, во-первых, это бывает редко; во-вторых, [артисты,] показыва-

ющие их, даже какой-нибудь пустяк продают царям так дорого и за короткое время желают получить столько денег от тирана, сколько от прочих людей получают за всю свою жизнь.

СИМОНИД. Но если вы терпите лишения в том, от чего получает удовольствие зрение, то выигрываете в удовольствии от слуха, потому что у вас не бывает недостатка в самом приятном для слуха – похвале: все ваши слова и действия присутствующими всегда восхваляются; того же, что наиболее тяжело слушать – порицания, вы никогда не слышите, потому что никто не захочет бранить тирана прямо в глаза.

ГИЕРОН. Какую же радость могут доставить те, кто молчит и не говорит худого, но о ком известно, что они замышляют злое? И разве может порадовать похвала тех, кого можно подозревать, что они хвалят лишь ради лести?

СИМОНИД. С этим я совершенно согласен. Самая приятная похвала приходит от человека совершенно независимого. Но ты никого не убедишь, что вы не получаете больше удовольствий от того, чем люди питаются.

ГИЕРОН. Да, Симонид; и в этом отношении многие думают, что мы пьем и едим слаще, чем простые люди. Для них наш обед кажется приятнее. Конечно, то, что отличается от обыкновенного порядка, доставляет нам удовольствие. Вот почему все люди с удовольствием встречают праздники, кроме тиранов. Столы тиранов, всегда полные, в праздник не имеют никакого прибавления, а потому лишены первого приятного ощущения простых людей – ожидания. Затем, думаю, и ты это заметил: чем более у кого ставится на стол лишних кушаний, тем скорее является пресыщение; а потому человек, имеющий избыток кушаний, уступает в продолжительности наслаждения человеку, живущему умеренно.

СИМОНИД. Но во всяком случае, на все то время, когда душа принимает кушанья, больше удовольствий у имеющих дорогие блюда, чем у тех, кто ставит перед собой простые.

ГИЕРОН. Так ты думаешь, Симонид, что, если кто-то особенно чем наслаждается, тот любит этим заниматься в наибольшей степени?

СИМОНИД. Непременно.

ГИЕРОН. Разве ты видел, чтобы тираны шли на свой обед охотнее, чем частные люди на свой?

СИМОНИД. Напротив, гораздо с большей неохотой; по крайней мере, как многие находят.

ГИЕРОН. А обратил ли ты внимание на то множество приправ, которые ставятся перед тиранами – острых, едких, горьких и родственных им.

СИМОНИД. О да! На мой взгляд, все это противно природе человека.

ГИЕРОН. Но можно ли иначе смотреть на эти приправы, как не на прихоти изнеженной и обессиленной роскошью души? Потому что мы с тобой прекрасно знаем, что люди с хорошим аппетитом вовсе не нуждаются в этих ухищрениях.

СИМОНИД. Пожалуй, и теми роскошными благовониями, которыми вы мажетесь, более пользуются окружающие вас, чем вы; вроде того как наевшийся чего-либо с неприятным запахом сам не чувствует этого, а чувствуют окружающие.

ГИЕРОН. То же самое бывает, когда кто постоянно ест различные кушанья: сам он уже ничего не берет с жадностью; но если кто редко пользуется каким-либо лакомством, тот, действительно, отдается ему с радостью.

СИМОНИД. В таком случае удовольствия любви должны внушать желание быть тираном, потому что в этом отношении вы можете пользоваться обществом любого лица, какое только найдете красивым.

ГИЕРОН. Позволь же сказать тебе, что в этом мы особенно терпим больше лишений, чем частные люди. Во-первых, что касается брака, то самым лучшим считается брак с женщиной из сословия высшего по богатству и по силе. Такой брак доставляет вместе с удовольствием известного рода славу. Второе место занимает брак с женщиной из одинакового

с тобой сословия. Брак с женщиной низшего сословия навлекает бесславие и не ведет к пользе. Таким образом тирану, если тот не женат на иностранке, приходится вступать в брак с женщиной из низшего сословия, и, значит, счастья он получает немного. Ведь ухаживания благороднейших женщин нам особенно приятны, тогда как любовь рабынь, пребывающих в нашей власти, не имеет никакой цены. Опять же, в любви к мальчикам цари терпят еще большие лишения, чем в любви первого рода; потому что, как всем известно, удовлетворение этого чувства тогда только доставляет нам радость, когда соединено с любовью. Но опять-таки и любовь менее всего дается тиранам, потому что любовь стремится не к тому, что легко дается, но к тому, чего добиваешься. Как человек, не имеющий жажды, не воспринимает удовольствия, когда пьет, так и человек, не чувствующий любви, не воспринимает ее восторгов.

СИМОНИД (смеясь). Как так, Гиерон? У тиранов не бывает любви к мальчикам? Каким же образом ты любишь Даилоха, прозванного красавцем?

ГИЕРОН. Да, люблю, потому что желаю получить от него вовсе не то, что думают, но то, достижения чего менее всего можно ожидать от тирана. Быть может, человеческая природа заставляет требовать этого от прекрасных юношей, но своих желаний я хочу достигнуть с любовью и получить ответ от любящего, а насилия к нему я допускаю столько же, как к самому себе. Я считаю, что от врагов нам особенно приятно брать что-либо, когда они не дают, а от любимых – когда они сами выказывают свою любовь. От любящего же любимого нам все приятно: его взор, вопросы, ответы, шуточные споры и драки. Но воздействовать на любимого насильем, по моему мнению, будет не любовью, но грабежом. Положим, грабителю доставляет известное удовольствие, с одной стороны, прибыль, с другой – ущерб врага, но радоваться ущербу для любимого, сделаться ненавистным и прикасаться к обиженному – это проступок тяжелый и достойный сожаления. Кроме того, частный человек, при податливости любимого, сразу может увидеть в нем расположение, так как знает, что никакое принуждение здесь не имеет значения, но тиран никогда не может быть уверен, что его любят. Мы знаем, что повинующиеся из страха всячески притворяются перед теми, кто любит их. Поэтому-то ни от кого не бывает столько покушений, как от тех, кто притворяется особенно любящим.

СИМОНИД. Все, что ты говоришь, еще не особенно важно, потому что я видел, что многие из всеми признанных мужей по своей воле соблюдают воздержание в кушаньях, напитках, приправах, половом влечении и т. п. Но вот в чем вы имеете преимущества перед простыми людьми: вы замышляете великие дела и скоро совершаете их; вы имеете великие богатства, приобретаете лошадей отличных качеств, замечательной красоты оружие, редкие украшения для женщин, великолепные дома с драгоценным убранством, у вас множество образованной челяди; наконец, вы именно в силах покарать врагов, принести пользу друзьям.

ГИЕРОН. Что толпа пленяется положением тирана, этому я нисколько не удивляюсь; ведь она обычно судит о счастье и несчастье по внешнему виду. Но тираны, показывая всем то, что считается драгоценными благами, показывают только наружную сторону своего благополучия, а тяжести свои они скрывают в душе, в которой и пребывают счастье человеческое и его несчастье. Повторяю, для меня не удивительно, что толпа ничего этого не знает; но как вы этого не понимаете, вы, которые, по-видимому, более видите умом, чем глазами? Я сужу по опыту и говорю тебе, что тиранам меньше всех достается счастья, но больше всех несчастья. Например, мир считается великим благом для всех людей, но тираны очень мало пользуются миром, война же, которая считается величайшим злом, дается им в самой большей мере. Частные граждане, если их город не принимает участия в войне, могут отправляться куда угодно, нисколько не опасаясь, что их убьют; но тираны повсюду ходят как будто в неприятельской стране; по крайней мере, они считают необходимым быть всегда при ору-

жии и водить за собой оруженосцев. Затем, частные граждане, если и отправляются на войну, по возвращении домой считают себя в безопасности; но тираны, оказавшись в собственном городе, видят себя среди самого многочисленного неприятеля. Если сильный враг идет на город, то слабые граждане вне стен считают себя в опасности, зато внутри укреплений находят полную безопасность; но тиран даже по возвращении домой не считает себя в безопасности; здесь-то он и считает нужным быть как можно более осторожным.

Далее, для частных граждан наступает отдых от войны и благодаря перемирию, [во время заключения которого происходит] возлияние богам, и благодаря миру, но у тирана никогда не бывает мира с притесненными им гражданами и он не может положиться на возлияние богам. Затем, самые войны бывают двойкие: войны полисов с полисами и войны тиранов с притесненными горожанами. Тирану в своей войне приходится не менее тяжело, чем полисам: одинаково нужно находиться под оружием, остерегаться, подвергаться опасностям и т. п.; и если побежденным грозит тяжелая участь, то от этого все страдают одинаково. Война предъявляет равные требования в обоих случаях. Но если город получает в итоге блага, то этого тираны никак не имеют. Трудно описать, какая бывает радость граждан, когда они одолеют врагов, когда опрокинут их, гонят, убивают; как они гордятся этим делом, сколько приписывают себе славы, какая у них радость от этого возвеличивания города. Каждый хвастается своей ролью в совете перед сражением и большим числом убитых неприятелей; редко бывает, чтобы не прихвастнули, потому что, если верить их словам, они убили гораздо больше врагов, чем тех погубило на самом деле. Насколько граждане считают славным для себя делом победу над неприятелем! Между тем, если тиран заподозрит горожан и узнает, что они затевают против него заговор, он хотя и казнит их, но понимает, что этим не возвысит всего города, а просто будет править меньшим числом подданных. Он не может быть веселым или гордиться своим поступком; напротив, всячески скрывает свою радость и своими действиями оправдывает себя, как будто сделал это вовсе не из стремления к насилию. Таким образом, он сам не одобряет своего поступка. А когда будут убиты те, кого он боялся, он не только не может успокоиться, но еще более чем прежде принимает предосторожности. И такая война продолжается у тирана непрерывно.

Посмотри теперь, как достается им дружба. Но мы сперва взглянем, великое ли благо – дружба. Известно, что, когда некто пользуется нашей любовью, на него приятно смотреть, когда он пред нами, приятно делать ему добро; о нем тоскуют, когда он уходит, и с радостью встречают, когда возвращается; сочувствуют его благополучию и содействуют, когда видят неудачи. Что дружба есть величайшее и прекраснейшее благо, это знают и города. По крайней мере, во многих городах действует закон, что одних только прелюбодеев можно убивать безнаказанно – на том основании, очевидно, что такие люди считаются разрушителями дружбы супругов; между тем жена если и подвергается насилию, но, коль скоро ее дружба осталась непорванной, продолжает пользоваться уважением мужа. Быть любимым я признаю таким великим благом, что, на мой взгляд, любимому человеку все само собой дается и от богов, и от людей. И этого-то сокровища властители лишены более, чем все другие люди. Если ты, Симонид, хочешь знать, насколько истинны мои слова, обрати внимание на следующее обстоятельство. Как известно, самая прочная дружба бывает у отцов с сыновьями или у сыновей с отцами, у братьев с братьями, у жен с мужьями, у товарищей с товарищами. Если захочешь подумать об этом, и ты найдешь, что в частной жизни наибольшей бывает дружба именно между этими лицами; но что касается тиранов, то здесь одни убили своих сыновей, другие сами убиты сыновьями, третьи оказались убийцами родных братьев, четвертые погибли от рук своих жен, пятые – от считавшихся наиболее близкими друзьями. Следовательно, если известные лица подвергаются такой ненависти от тех, кто по самой природе должен бы любить их, то возможно ли надеяться, чтобы они пользовались любовью кого-либо другого?

Не есть ли также великое лишение – не иметь ни к кому доверия? В самом деле, какое будет удовольствие для общества, если нет взаимного доверия лиц, входящих в него? Возможно ли без доверия удовольствие при обращении мужа с женой? Приятен ли тот слуга, которому не доверяют? А между тем тиран менее всего может доверчиво относиться к другим. Он даже кушаньям и напиткам не доверяет, и прежде чем начатки от них принести богам, приказывает слугам отведать самим, ибо боится, что съест или выпьет чего-то дурного.

Для прочих людей их отчий город в высшей степени дорог. Горожане без всякой платы стерегут друг друга против рабов и против злодеев, чтобы никто из сограждан не погиб насильственной смертью. Эта охрана имеет такое значение, что многие полисы постановили считать оскверняющим само общение с человекоубийцей. Поэтому каждый гражданин безопасно живет в своем городе. Но для тиранов и в этом случае все присходит наоборот: вместо того, чтобы мстить за смерть тирана, граждане высоко награждают убийцу, и вместо отлучения от святыни⁴¹, как бывает с губителями частных граждан, в священных местах ставят статуи тех, кто сделал что-либо подобное.

Если ты, Симонид, думаешь, что тиран, имея больше сокровищ, получает от них и больше радости, то знай, что и это не так. Подобно тому, как атлеты бывают довольны не тогда, когда окажутся выше простых людей, зато мучаются, если оказываются слабее своих соперников; точно так же и тиран не тогда бывает доволен, когда имеет больше простых людей, но для него больно, что он имеет меньше, чем другой тиран. Вот кого он считает соперником в богатстве. Наконец, тиран не может так скоро достигнуть своих желаний, как простой человек. Простой человек желает дома, поля, раба и т. п.; а тиран – городов, большой страны, пристаней, укреплений и так далее, достигнуть чего гораздо труднее, чем желаний частного человека. Даже бедняков ты увидишь гораздо реже между частными людьми, чем между тиранами. Дело в том, что «много» или «достаточно» определяется не числом, но отношением: если превышает достаточное – будет много, если недостает – мало. Но для тирана его много раз большее, чем у частного человека, богатство менее достаточно для его нужд и трат, чем для нужд частного человека. Последний может сократить свои ежедневные расходы как хочет, но тиран не может этого сделать, ибо главная и неизбежная его забота касается сохранения жизни; но сокращение расходов на охрану равняется собственной гибели. Следовательно, можно ли жалеть бедного человека, если тот справедливым путем может иметь сколько нужно? И наоборот, возможно ли не назвать несчастными и истинно бедными тех, кого нужда побуждает на порок и преступление? Между тем именно постоянная нужда в деньгах на неизбежные расходы весьма часто приводит тиранов к тому, что они без всяких прав обирают и богов, и людей. У них как будто продолжается постоянная война, и они должны всегда содержать войско или погибнуть.

Я назову тебе, Симонид, еще другую беду тиранов. Они не хуже частных лиц знают граждан мужественных, умных, справедливых. Но вместо того чтобы ценить, боятся их: мужественных – как бы те не решились на что-либо ради свободы, умных – как бы не измыслили чего-либо, справедливых – как бы народ не захотел управляться ими. Когда же они из-за страха удалят таковых граждан, то перед ними останутся преступные и распутные подданные и презренные рабы, которые и пользуются их доверием: преступные – потому что, как и тираны, боятся, как бы город, став свободным, не взял их в свою власть; распутные – из-за данной им теперь власти, презренные рабы – потому что сами не желают быть свободными. Таким образом им приходится считать добрыми гражданами одних, но общаться с другими.

⁴¹ В разных полисах бывали различные наказания для человека, убившего своего согражданина. Однако повсюду убийце запрещалось участвовать в религиозных обрядах, совершаемых в городских храмах.

Конечно, и тиран должен любить свой город, потому что без города он не может ни жить, ни пользоваться благополучием. Но положение заставляет его осуждать свой город. Для тиранов неприятно видеть граждан храбрыми и хорошо вооруженными; они рады, когда их наемное войско сильнее граждан, и отсюда они берут телохранителей. Наконец, тиран не сочувствует гражданам и тогда, когда в хорошее лето бывает обилие всякого добра⁴²: он думает, что, когда граждане беднее, тогда и покорнее.

Я желаю указать тебе, Симонид, и на те удовольствия, которыми пользовался, когда был простым человеком, но которых лишился, став тираном. Я с удовольствием бывал в обществе сочувствующих мне сверстников, с удовольствием, когда желал, оставался один, на пирушках часто засиживался до забвения всех неприятностей человеческой жизни, нередко сам себя забывал в песнях, забавах и плясках, порой мы предавались полному наслаждению. Но теперь, имея товарищами вместо друзей рабов, я лишился этого сочувствия, лишился приятного общества, потому что нигде не вижу преданности; а попойки и сна боюсь как засады. Страшиться толпы, страшиться уединения, неосторожности и опасаться самих стерегущих, желать иметь при себе безоружных и без удовольствия глядеть на вооруженных, не есть ли это мучение? Еще: верить более наемникам, чем гражданам, варварам более эллинов, стремиться иметь свободных рабами, а рабов быть вынужденным делать свободными, не кажется ли тебе все это признаком души, растерявшейся от страха? А этот страх не только находится лишь в душе и тяготит только душу, но он сопровождает и отравляет все удовольствия. Если ты, Симонид, бывал на войне и стоял вблизи неприятельских рядов, то припомни, как ты брался тогда за хлеб и каким спал сном. Что тогда было для тебя мучительно, то теперь для тиранов еще мучительнее, потому что тираны видят врагов не только в противной стороне, но повсюду.

СИМОНИД. Некоторые твои слова, Гиерон, прекрасны. Действительно, война ужасное явление, но все-таки в походе мы можем поставить стражу и спокойно вкушать обед или сон.

ГИЕРОН. Конечно, это так; потому что там еще за вас бодрствуют законы, так что стража боится и за себя, и за вас; но у тиранов стража по найму – все равно как жнецы на поле. От стражей можно требовать только одного – чтобы были верны; но найти между ними одного верного гораздо труднее, чем множество работников на какое угодно дело, особенно из-за того, что они живут ради денег и им предоставляется возможность, убив тирана, за короткое время получить их гораздо больше, чем за продолжительную службу. А если ты завидуешь, будто мы особенно можем благодетельствовать друзьям и карать врагов, то и это далеко не так. В самом деле, можно ли делать добро друзьям, когда знаешь, что тот, кто больше от тебя получит, с большей охотой старается скорее уйти с твоих глаз; потому что, пока он находится под властью тирана, он ничего не считает своим. С другой стороны, каким образом тиран может карать врагов, если он хорошо знает, что его враги – горожане, угнетенные им, которых нельзя ни перебить всех, ни заключить в оковы; иначе ведь некем будет управлять. Мало того, приходится сознавать их враждебность и в то же время остерегаться их и иметь с ними сношения. Знай, Симонид, что насколько тяжело для тиранов смотреть на опасных для них граждан, когда те живы, настолько же тяжело и убивать их; точно так же как тяжело убивать хорошую, но норовистую лошадь, чтобы та не наделала больших бед, так тяжело и пользоваться ею, всегда ожидая крайней опасности. Так же бывает и с другими ценными вещами, которыми тяжело владеть, но тяжело и потерять.

СИМОНИД. Должно быть, самая честь имеет в себе нечто особенное, если люди так жаждут ее, что выносят тяжкие труды и подвергаются всякой опасности. Вот и вы, несмотря на описанные тобой тягости, несетесь к ней сломя голову, для того чтобы вас уважали, бес-

⁴² То есть урожай.

прекословно исполняли все ваши приказания, чтобы все смотрели на вас, вставали со своих мест, уступали дорогу, оказывали предпочтение словами и делами. Так обыкновенно поступают подданные со своими тиранами и с другими лицами, пользующимися уважением. По моему мнению, Гиерон, именно этим и отличается человек от других животных – стремлением к славе. Наслаждение кушаньями, напитками, сном и любовными утехами одинаково принадлежит всем животным; но честолюбие не свойственно ни неразумным животным, ни всем людям вообще; кому же дана любовь к славе и похвалам, именно тот и отличается от животных и уже называется не человек, но муж! Так что мне кажется, что все, выносимое вами ради власти, совершенно естественно, коль скоро вы уважением превосходите прочих людей. Действительно, никакое наслаждение не приближает нас так к божеству, как наслаждение от почестей.

ГИЕРОН. Симонид, на мой взгляд, почести тиранов похожи на то, что я сказал тебе о любовных утехам. Известно, что для нас не имеет никакой прелести услужливость того, кто нас не любит, как неприятны и взятые силой любовные удовольствия. Точно так же и услужливость, оказываемая из страха, вовсе не есть честь. Разве можно сказать, что встающие со своих мест по принуждению встают из уважения к притеснителям? Или что уступающие дорогу сильнейшему уступают вследствие почтения к нему? Многие и подарки дают тем, кого ненавидят, особенно когда боятся, чтобы те не причинили им какой-либо беды. Но, положим, все это рабские действия. Слава имеет другие основания, и вот какие. Когда люди, считая, что они в силах облагодетельствовать и усладить добром известного человека, могут хвалить его прямо в лицо, и каждый видит в нем свое счастье, когда перед ним охотно уступают дорогу и встают без страха и с любовью, когда его покрывают венком за общественные благодеяния и заслуги и добровольно приносят дары, такое уважение я признаю истинным; удостоившийся его действительно получает почтение. Подобного человека я признаю счастливым, потому что вижу: на него направлены не злые умыслы, но забота о его безопасности. Такой проводит жизнь вне страха, вне опасностей, вне зависти и в благополучии. Но тиран – знай, Симонид, – тиран дни и ночи проводит так, как будто он за свои злодеяния осужден всеми людьми на смерть.

СИМОНИД. Но если тирания такое зло и ты это сознаешь, то отчего ты не откажешься? Ведь ни ты, ни кто другой – раз достигнув ее – более никогда не отказываетесь по доброй воле.

ГИЕРОН. Симонид, причина та, что и с этой стороны единодержавие представляет величайшее несчастье: избавиться от него нет возможности. Разве может тиран выплатить все те деньги, которые он отнял, или наложить на себя узы за тех, кого он заковывал? Разве он может возвратить души убитых? Нет, Симонид. Если кому и полезно удушить себя, то более всего – тирану. Он один не может ни продолжить, ни прекратить всех бедствий.

СИМОНИД. Гиерон, я удивляюсь, что ты так мрачно смотришь на тиранию. Ты желаешь пользоваться всеобщей любовью и считаешь свою власть препятствием для этого. Но я могу доказать тебе, что единовластие не только не мешает быть любимым, но даже больше способствует этому, чем положение частного человека. Мы не будем рассуждать о том, что властитель, как имеющий больше возможности, должен совершать более хороших дел. Мы возьмем одинаковые дела тирана и частного человека и посмотрим, кто больше получает признательности. Начну с самых простых случаев.

Если при встрече ласково заговорит властитель и простой человек, чей привет более обрадует тебя? Если они оба хвалят кого-либо, чья похвала оказывает большее влияние? Если они зовут тебя на закланную дома жертву, чье приглашение заслуживает большей признательности? Если они навещают больного, не ясно ли, что уход за больным со стороны могущественнейших лиц внушает тем большую радость? Пусть они дадут равные подарки; не ясно ли и здесь, что половинный подарок от могущественного лица больше значит, чем

полный от простого человека? Я думаю даже, что мужа-властителя сами боги сопровождают почетом и благодатью, не потому что власть делает человека красивее, но потому что мы сами видим в нем бóльшую красоту, когда он властвует, чем когда он держит себя частным человеком; и для нас гораздо приятнее вести беседы с лицами почтенными, чем с лицами, стоящими наравне с нами. Даже любимые – в этом случае ты особенно порицал тиранию, – менее всего жалуются на старость [любящего], и это ничуть не считается зазорным для того, с кем они обращаются, потому что здесь высота положения все скрашивает, так что неприятную сторону делает незаметной, а хорошей тем более придает блеска. Наконец, возможно ли, чтобы вы не пользовались большей любовью, чем частные лица, когда вы за такие же услуги получаете бóльшую признательность и в то же время имеете возможность больше помогать и больше дарить?

ГИЕРОН. Это так; но мы больше, чем частные люди, вынуждены совершать такие поступки, которые пробуждают ненависть. Чтобы иметь средства на необходимое нам, мы должны изыскивать деньги, мы должны оберегать то, что требует охраны, наказывать преступников, удерживать склонных к насилию, а когда потребуется быстро выступить сушей или морем, мы не можем поручить это дело людям небрежным. Более того, тиран нуждается в наемниках, а это самый тягостный налог для граждан, потому что, по их мнению, наемники содержатся не для охраны свободы, но ради увеличения самовластия.

СИМОНИД. Гиерон, я не говорю, что обо всем этом не следует заботиться, но я полагаю, что одни заботы прямо ведут к ненависти, другие же сопровождаются признательностью. Например, похвала и награда хорошо исполнившему дело всегда сопровождается признательностью, но порицание того, кто поступает неправильно, его принуждение, взыскание, наказание – все это ведет к ненависти. Я полагаю, что того, кто требует принуждения, нужно передавать другим для наказания, а раздавать награды самому. Это подтверждается самим ходом дел. Так, когда мы назначаем состязания хоров, награды раздает начальник, но собирать хоры и взыскивать с тех, кто действует неверно, поручается хорегам и другим⁴³. Таким образом и здесь приятное проходит через руки начальника, а противоположное – через руки других. Что же мешает сделать так и в политической жизни? Ведь все города разделены – одни по филам, другие по морам, третьи по лохам⁴⁴, и в каждой части поставлены свои начальники. Следовательно, если в государственном деле, как и в хорах, назначить награды за вооружение, порядок, верховую езду, храбрость на войне, справедливость на советах, то естественно, что и здесь будут усердные занятия и соревнование. Клянусь Зевсом, желая славы, они и собирались бы куда нужно гораздо скорее, и в свое время внесли бы деньги; тогда и то, что наиболее полезно, но в чем менее всего выказывается дух соревнования – земледелие, – давало бы много прибыли, а именно в том случае, если бы для тех хозяев, которые лучше обрабатывают землю, назначались награды, по участкам или по деревням, и если бы усердно предавшиеся этому делу граждане получали хороший прибыток. Тогда увеличились бы доходы, заботы сопровождались добродетелью и люди деятельные менее причастны были преступлениям. Так как торговля приносит пользу городу, то уважение к тому, кто ведет большие дела, увеличило бы число торговцев. Если бы все знали, что изыскивающий без отягчения других доходы награждается городом, то и это не осталось бы без внимания. Одним словом, если бы всем было ясно, что человек, доставляющий другим пользу, не останется без почтения, то это побудило бы многих думать об общем

⁴³ В данном случае – либо руководителям отдельных хоров, либо «запевалам».

⁴⁴ *Филы* – одно из гражданских подразделений, на которые делились античные полисы. Каждая фила состояла из нескольких фратрий (объединений родов) и имела общую культовую организацию. На поле боя фила выступала тактическим объединением граждан-ополченцев. *Моры* и *лохи* – подразделения меньшего уровня, являвшиеся в некоторых дорийских городах военными и административными единицами.

благие. А когда многие будут заботиться об общей пользе, тогда больше последует рвения и исполнительности.

Если же ты, Гиерон, боишься, что с назначением многих наград последует много трат, то ты должен помнить, что нет прибыли более дешевой, чем та, которая покупается наградой. На состязаниях конских, гимнастических, хоров и т. п. ты можешь видеть, что малая награда вызывает большие траты, много трудов, много забот.

ГИЕРОН. Все это хорошо, Симонид; но что ты можешь сказать о наемном войске, как из-за него не навлечь на себя ненависти? Или ты думаешь, что снискавшему любовь властителю не понадобится наемное войско?

СИМОНИД. Без сомнения, понадобится; потому что известно: между людьми бывает то же, что между лошадьми. Чем более они имеют всего в досталь, тем более у них проявляется своенравие; а в таком случае лучше всего может проучить страх перед твоими телохранителями. Но и хорошим гражданам, как я полагаю, ты ничем столь не поможешь, как этими же телохранителями. Конечно, ты кормишь их для своей охраны; но ведь многие хозяева погибли из-за насилия своих рабов. Поэтому, если ты прикажешь своим наемникам, чтобы они были хранителями всех граждан и в случае надобности ко всем являлись на помощь – известно, что злодеи бывают и в городах, – тогда граждане будут знать, что и в этом случае телохранители принесут им пользу. Кроме того, они более смогут сообщить бодрость и чувство безопасности по отношению к деревенским работникам и рабочим животным – одинаково, как своим, так и другим, разбросанным по участку; и, заняв соответствующие места, могут предоставить горожанам досуг заниматься своими делами. Сверх того, они, всегда вооруженные и находящиеся начеку, наиболее готовы будут заблаговременно узнать о тайных и явных нападениях врагов и не допустить их. И в войске такие наемники принесут особенную пользу гражданам, будучи готовыми раньше всех перенести труды, опасности, бдение. Поэтому, естественно, соседние города, видя постоянно находящихся под оружием врагов, предпочтут мир, так что готовые к бою наемники могут сохранить благополучие друзей и потрясти благополучие врагов. А когда горожане узнают, что эти люди ничего не делают дурного тому, кто ни в чем не виновен, но обуздывают желающих совершить преступление, что они помогают обиженным и предохраняют горожан своими заботами и опасностями, то почему бы им не потратиться на содержание этих воинов? Содержат же они сторожей частным образом, и притом для целей гораздо менее важных.

Ты, Гиерон, не должен колебаться потратить даже собственные средства на общее благо; и я думаю, что потраченное тираном на город тратится с гораздо большей пользой, чем истраченное на собственные надобности. Рассмотрим это подробнее. Что доставит тебе больше славы? Твой украшенный благодаря громадным вложениям дом или целый город, снабженный стенами, храмами, колоннадами, площадями, гаванями и всем прочим? Когда ты будешь более грозен для врагов: когда сам украсишь себя сверкающим оружием или когда хорошо будет вооружен целый город? В каком случае будет у тебя больше доходов: когда только твое будет давать тебе прибыль или же когда ты придумаешь меры, чтобы и у горожан прибыль получалась со всего? В каком случае ты более украсил бы себя этим общепризнанным благороднейшим и величественнейшим украшением – содержанием колесничных коней: когда сам будешь содержать их больше всех эллинов и посылать на всегреческие собрания или когда явится более всего таких хозяев из твоего города и в состязания вступят более всего твоих сограждан?⁴⁵ Лучше ли для тебя победа колесницы или счастье управляемого тобой города? Я утверждаю, что тирану даже не следует состязаться с частными гражданами.

⁴⁵ Речь идет о состязаниях в бегах колесниц, которые происходили во время большинства всегреческих священных игр (Олимпийских, Истмийских, Дельфийских и т. д.), участие в которых считалось чрезвычайно почетным делом, а победа делала хозяина колесницы знаменитым (как избранника богов). Гиерон очень гордился победами своих колесниц в Дельфах (470 до н. э.) и Олимпии (468 до н. э.).

данами, потому что в случае победы ты встретишь не удивление, но зависть, как будто твои расходы берутся из многих домов; в случае же поражения над тобой будут смеяться все.

Но я говорю тебе, Гиерон, ты – в состязании со всеми властителями городов; и если ты свой город сделаешь самым счастливым, то знай, что ты одержал благороднейшую и величественнейшую победу в мире. Тогда ты, во-первых, достигнешь любви своих подданных, чего теперь так сильно желаешь; а во-вторых, твою победу будет объявлять не один кто-нибудь⁴⁶, но весь мир будет воспевать твои добродетели. На тебя будут смотреть и тобой будут восхищаться не только частные граждане, но многие города, и тебе будут дивиться публично. Тогда тебе можно будет безопасно ехать куда хочешь и осматривать что хочешь; можешь там оставаться и смотреть, потому что при тебе всегда будет толпа желающих показать, кто что имеет умного, красивого, доброго, и толпа старающихся услужить. Всякий присутствующий станет твоим соратником, а всякий отсутствующий захочет видеть тебя. Так что ты будешь не любим, но обожаем всеми; не ты будешь обращаться к красавцам, но они будут к тебе обращаться; не ты будешь бояться, но за тебя будут бояться, как бы с тобою чего не случилось. Ты будешь иметь готовых слуг, охотно заботящихся о тебе; а в случае опасности увидишь не только соратников, но и храбрецов, защищающих тебя грудью; удостоенный многих даров, ты не будешь затрудняться отблагодарить по своему желанию. Все будут сочувствовать твоему благополучию, все будут сражаться за твое добро, как за собственное, и твоими сокровищами будут все богатства твоих друзей.

Итак, Гиерон, мужайся. Обогащай своих друзей и этим себя обогатишь; умножай город и себе доставишь силу; приобретай соратников и считай отеческий город своим домом, горожан – товарищами, друзей – детьми, детей – своей жизнью, и всех старайся победить, делая добро. Если ты друзей обяжешь благодеяниями, враги против тебя не устоят; и знай, что если ты будешь делать это, то получишь приобретение благороднейшее и высочайшее в мире: ты будешь счастлив и твоему счастью никто не позавидует.

⁴⁶ Имеется в виду либо глашатай, объявлявший о победе на соревнованиях, либо же поэт, которому победители заказывали хвалебную оду в честь своего успеха.

Платон Государство

Книга восьмая⁴⁷

<543>^{48 49} Пусть так; в этом мы согласились, Главкон: в желающем превосходно устроиться городе будут общие жены, общие дети и все воспитание их, равно как и общие занятия во время войны и мира; а царями всех будут мужи, оказавшиеся лучшими в философии и в делах военных.

– Согласились, – сказал Главкон.

– Сошлись мы и в том, что, когда правители уже поставлены, они поведут воинов и поселят их в домах, которые нами описаны; потому что у них нет ничего собственного, но все общее. Помимо этих домов – помнишь ли? – мы согласились, кажется, какое будет у них имущество.

– Да, помню, – сказал он. – Мы полагали, что никто из них не должен ничего приобретать, подобно иным теперь; но, как подвижники на войне и стражи, получая в вознаграждение за караул ежегодную пищу от других, сами они должны заботиться о всем городе.

– Правильно говоришь, – сказал я. – Но далее, кончив это, припомним, к чему обратились мы отсюда, чтобы идти нам теперь тем же путем.

– Нетрудно, – сказал он. – Тогда, почти как и теперь, рассудив о городе, ты прибавил, что город, подобный тому, что изображен тобою, считаешь хорошим. Равно как и подобного ему человека; хотя, по-видимому, мог говорить еще о лучшем – и городе, и человеке; а другие-то города, если этот правилен, называл ты недостаточными <544> и формы правления их, сколько помню, делил на четыре вида, о которых стоит поговорить, чтобы видеть их недостатки, – равно как опять и о подобных им людях, чтобы, зная все это и согласившись между собою в том, кто человек самый хороший и кто самый дурной, мы могли исследовать, правда ли, что самый хороший есть самый счастливый, а самый дурной – самый несчастный, или это неправда. После того я спросил: какие ты имеешь в виду четыре вида правления? Но тут вступили в разговор Полемарх и Адимант, и ты, начав с ними разговор, вел ее до этой минуты.

– Весьма верно напомнил, – сказал я. – Итак, подобно борцу, повтори прежнюю схватку⁵⁰ и на тот же самый вопрос попытайся сказать, что хотел говорить тогда.

– Если буду в состоянии, – промолвил я.

– По крайней мере желательно слышать, – сказал он, – какие четыре государственных правления ты имеешь в виду.

– Нетрудно, – ответил я, – услышишь. Правления, о которых я говорю, приобрели известность. Первое из них, восхваляемое многими, есть критское и лакедемонское; второе и, судя по похвале, стоящее на втором месте, называется олигархией – правление, уже наполненное множеством зол; от него отличается и за ним следует демократия; хуже же всех их – «прославленная тирания»: это четвертая и последняя болезнь города. Или ты имеешь иную идею правления, проявляющуюся в какой-нибудь замечательной форме? Ведь власти

⁴⁷ Перевод Вл. Соловьева (с необходимыми редакционными исправлениями).

⁴⁸ Здесь и далее угловые скобки обозначают страницу греческого оригинала.

⁴⁹ Говорит Сократ:

⁵⁰ *Повтори прежнюю схватку* – выражение, взятое из обихода борцов. Речь идет о ситуации, когда борцов поднимали из партера и заставляли начинать схватку как бы заново.

наследственные и приобретаемые за деньги, равно как и другие подобные виды правления, составляют середину между теми и могут быть найдены в не меньшей степени у варваров, как и у эллинов.

– Да, рассказывают о многих и странных видах правления, – сказал он.

– А знаешь ли, – спросил я, – что и виды людей необходимо бывают теми же и в таком же количестве, каковы формы правления? Или думаешь, что правления произошли из дуба либо из камня какого-нибудь, а не из нравов города, которые куда идут сами, туда и всех увлекают?

– Не откуда более, как отсюда, – сказал он.

– Поэтому если бы правлений в городах было пять, то пять было бы и душевных расположений в частных лицах.

– Как же иначе!

– Но того-то человека, который подобен аристократии, мы уже рассмотрели и правильно назвали его добрым и справедливым. <545>

– Рассмотрели.

– После этого не описать ли нам худших – спорщика и честолюбца, живущих при гражданском правлении, а затем опять – гражданина олигархического, демократического и тиранического, чтобы несправедливейшего сознательно противопоставить справедливейшему, и окончательно исследовать, каково отношение между чистой справедливостью и чистой несправедливостью, по отношению к счастью или несчастью человека, претерпевающего то или другое. В итоге мы, либо, поверив Тразимаху, будем совершать несправедливое⁵¹, либо, согласно с предложенной теперь речью – справедливое.

– Без сомнения, так и надобно сделать, – сказал он.

– Стало быть, не поступить ли нам, как мы начали, то есть не рассмотреть ли нравы прежде в видах правления, чем в частных людях, так как это предмет более ясный? Исследуем-ка теперь сперва правление честолюбивое (не могу дать ему другого имени, как разве назвать его тимократией или тимархией), за которым рассмотрим и такого же человека; потом возьмем олигархию и человека олигархического; далее взглянем на демократию и на гражданина демократического; и, наконец, перейдя к четвертому городу – тираническому – и изучив его, обратим опять взор на душу тираническую и постараемся стать достаточными судьями предположенных предметов.

– Такое рассмотрение было бы основательным, – сказал он.

– Пусть так, – начал я. – Постараемся же разобраться, каким образом из аристократии может возникнуть тимократия. Не оттого ли, что всякое правление меняется по причине самого правительства, коль скоро в нем возникают возмущения? А если последнее единодушно, то хотя бы оно было и очень невелико, изменение в нем невозможно.

<...>⁵²

– Когда возмущение произошло, – отвечал я, – два рода, железный и медный⁵³, повлекли людей к обогащению и приобретению земли, домов, золота и серебра; а роды золотой и серебряный, как не скудные, но по природе богатые, повели душу к добродетели и к древнему состоянию. Совершая насилия и противодействуя одни другим, они наконец согласились выделенные им земли и дома обратить в свою собственность, а прежних своих хранителей, людей свободных, друзей и кормильцев, поработить, посадить в домах и занять домашними делами, об охране же и о войне стали заботиться сами.

⁵¹ В I книге настоящего диалога софист Тразимах доказывает, что справедливость есть право сильного.

⁵² Мы опускаем рассуждение Платона, где он, основываясь на числовой мистике, стремится доказать, что с каждым новым поколением человеческая природа становится хуже.

⁵³ Ухудшение человеческой природы приводит к тому, что помимо людей с примесью золота и серебра появляются люди худшей породы – с примесью железа и меди.

– Отсюда, кажется мне, и произошла эта перемена, – сказал он.

– Такое правление не будет ли средним между аристократией и олигархией? – спросил я.

– Конечно.

– Перемена-то произошла таким образом, но каким будет новый государственный строй? Не ясно ли, что он возникнет по подражанию отчасти прежнему правлению, отчасти олигархии, так как стоит посередине между обоими и потому будет иметь нечто свое собственное?

– Конечно, – сказал он.

– Не станет ли оно почитать правителей, устранять войско от земледелия, от ремесел и других прибыльных работ, учреждать общественные столы, заботиться о гимнастических упражнениях и воинских подвигах и во всем этом подражать правлению прежнему?

– Да.

– Но вот на правительственные места оно побоится возводить мудрецов, так как еще не привязало к себе этих простых и твердых стражей, а будет любить смешанных, склоняться на сторону людей горячих и суровых, способных <548> больше к войне, чем к миру, и потому уважать обман, уловки и все время проводить в войне. Из множества таких особенностей не сложатся ли собственные его свойства?

– Да.

– А жадные до денег, – спросил я, – не будут ли такими, каковы бывают в олигархиях? Они, омраченные, станут неистово чтить свое золото и серебро, строить хранилища и особые сокровищницы, чтобы складывать и прятать в них свое богатство, и постараются воздвигнуть себе стены домов, точно гнезда, чтобы там расточать огромное свое имущество на жен и на других, на кого захотят.

– Весьма справедливо, – сказал он.

– Поэтому они будут трястись над собственными деньгами, так как чтут их и собирают скрыто, чужие же тратить им понравится. Тайно предаваясь удовольствиям, они станут бегать от закона, как дети от отца, ибо воспитало их не убеждение, а насилие, ибо истинной музой, то есть логосом и философией, они пренебрегли и гимнастику поставили выше музыки.

– Ты говоришь, в самом деле, о правлении, смешанном из зла и добра, – заметил он.

– Да, оно имеет смешанный характер, – произнес я. – Из правления воинственного духа очевиднейшая черта в нем только одна – соперничество и честолюбие.

– Без сомнения, – сказал он.

– Так не таково ли это правление по своему происхождению и свойствам? – спросил я. – Впрочем, начертав образ его словом, мы не со всей точностью совершили это начертание, а лишь настолько, чтобы из него можно было нам увидеть, кто является самым справедливым и несправедливым человеком. Ведь слишком долго было бы подробно рассматривать все правления и все нравы.

– Правда, – сказал он.

– Каков же человек, соответствующий этому правлению? Как оно сложится и каким бывает?

– Я думаю, – сказал Адимант, – что по стремлению выделиться он близко подходит к Главкону⁵⁴.

– Это-то может быть, – произнес я, – но мне кажется, что в другом он не таков, как Главкон.

⁵⁴ Главкон в молодости, подобно другому ученику Сократа, Алкивиаду, стремился выделиться среди сограждан и даже встать во главе государства.

– Что ты имеешь в виду?

– Он должен быть своенравнее, – отвечал я, – не подчиняться музам, хотя и любить их, и быть охочим до всяческих рассказов – но только не владеть красноречием. Да такой и с слугами жесток, хотя и <549> не презирает их, так как достаточно воспитан; с людьми же свободными он кроток, правителям очень послушен, хотя властолюбив и честолюбив и домогается власти не красноречием и не чем-нибудь тому подобным, а делами как воинскими, так и относящимися к воинским; поэтому любит гимнастику и охоту.

– Таков, в самом деле, характер людей при этом правлении, – сказал он.

– Но такой, пока молод, не презирает ли денег, а сделавшись старше, не тем ли более всегда любит их и, выйдя из-под влияния наилучшего стража, не обнаруживает ли природы сребролюбивой и неискренности к добродетели?

– Какого стража? – спросил Адимант.

– Настроенного музами слова, – отвечал я. – Оно одно во всю жизнь бывает внутренним хранителем добродетели в том, кто имеет ее.

– Ты хорошо говоришь, – сказал он.

– И этот-то юноша-тимократ, – добавил я, – конечно, походит на тот город.

– Без сомнения.

– А характер его, – сказал я, – образуется следующим образом: он иногда бывает сыном доброго отца, который, живя в худо управляемом городе, убегает и от почестей, и от властей, и от судебных мест, и от всякой подобной деятельности, а старается жить в неизвестности, чтобы не иметь хлопот.

– И как же это образует его характер? – спросил Адимант.

– Он выслушивает, – продолжал я, – досаду своей матери, что, во-первых, муж ее – не в числе правителей и что по этой причине она между прочими женщинами унижена; потом, что она видит, как мало отец его заботится о деньгах и, когда злословят его, не отбивается ни частным образом – в судах, ни публично, но переносит все это с беспечностью; наконец, что она замечает, что он внимателен только к самому себе, а ее и не слишком уважает, и не бесчестит. Досадуя на все это, она говорит сыну, что отец у него – человек слабый, крайне вялый, и все прочее, что жены обыкновенно поют о таких мужьях.

– Верно, – сказал Адимант, – они говорят много подобного, что свойственно им.

– Ты знаешь также, – прибавил я, – что подобные вещи сыновьям таких господ иногда потихоньку сообщают и самые слуги, думая тем выразить им свою преданность, и если видят, что на ком-нибудь есть долг, а отец не нападает на него судом за деньги или за иную обиду, то сыну его делают такие внушения: ты, когда будешь большой, – наказывай всех подобных людей и явишься большим мужем, чем твой отец. <550> Вступив же в общество, сын слышит другие такие же речи и видит, что люди, занимающиеся своим делом, в городе называются глупыми и мало уважаются; напротив, не делающие своего пользуются славой и бывают превозносимы похвалами. Слыша и видя все такое, а потом опять внимая словам отца и входя ближе в его занятия, отличные от занятий, принятых другими, он разрывается тогда обеими сторонами – и стороною своего отца, которая питает и возвращает разумность его души, и стороною других, которая действует на вожделеющую и яростную его силу, – и, будучи неплохим человеком по природе, но попав под влияние худых речей других, влечется дорогой средней между обеими этими крайностями и, власть над собою вверив силе средней – соперничества и ярости, таким образом становится человеком заносчивым и честолюбивым.

– Ты раскрыл его свойства, мне кажется, весьма хорошо.

– Возьмемся же теперь, – добавил я, – за второе правление и за другого человека.

– Возьмемся, – сказал он.

– Прежде всего, не вспомнить ли нам слов Эсхила: «Иной над иным поставлен и градом»⁵⁵, или же, согласно прежнему нашему предположению, рассмотрим само правление?

– Лучше так, – сказал он.

– А за таким правлением следовать должна, думаю, олигархия.

– Какую же форму называешь ты олигархией? – спросил он.

– Олигархия, – отвечал я, – есть правление, основывающееся на переписи и оценке собственности, так что в нем управляют богатые, бедные же не имеют участия в этом правлении.

– Понимаю.

– Так не сказать ли сперва, как совершается переход из тимархии в олигархию?

– Да.

– Хотя этот переход виден даже и для слепого, – заметил я.

– Каков же он?

– Кладовая, – отвечал я, – у каждого полная золота, губит это правление; ибо богатые изобретают, на что его потратить, и для того изменяют законы, которым не повинуются ни сами они, ни жены их.

– Вероятно, так.

– Потом, по склонности смотреть друг на друга и подражать таким же, как все они, делается и простой народ.

– Вероятно.

– А отсюда, – продолжал я, – простираясь далее в стяжательстве, граждане чем выше ставят деньги, тем ниже – добродетель. Разве не такое отношение между богатством и добродетелью, что если оба эти предмета положить на двух тарелках весов, то они потянут в противоположные стороны? <551>

– Именно такое, – согласился он.

– Итак, когда в городе уважаются богатство и богатые, тогда добродетель и люди добродетельные находятся в унижении.

– Ясное дело.

– А что уважается большинством, то бывает предметом стремления; напротив, неуважаемое остается в пренебрежении.

– Именно так.

– Стало быть, на месте людей, желающих выдвинуться и честолюбивых, теперь являются любостяжатели и любители денег; в городе начинают расточать похвалы, удивляться и верить власть богатому, а бедного унижают.

– Это так.

– Не тогда-то ли устанавливают закон олигархического правления, определяя форму его наличием денег? Так что чем больше их у кого, тем выше его олигархия, а чем меньше, тем ниже; у кого же богатства, требуемого цензом, не имеется, те, как уже сказано, и не допускаются к власти. Такое правление или осуществляется силой оружия, или, еще прежде, устанавливается страхом. Не так ли?

– Именно так.

– Можно сказать, так оно и устанавливается.

– Да. Но каков образ этого правления? И какие, как было выше замечено, имеет оно недостатки?

– Во-первых, вот каково может быть его определение, – сказал я. – Суди сам, что случилось бы, если управление кораблями кто-нибудь подчинил бы цензу, а бедному, хотя бы он был и очень искусен в кораблевождении, не вверил этого дела.

⁵⁵ См.: Эсхил. «Семеро против Фив». V. 567.

- Худое это было бы мореплавание, – ответил он.
- Но не то же ли нужно сказать и о всякой другой власти?
- Я думаю, то же.
- Кроме власти в городе? Или верно наше суждение и по поводу городской власти?
- Даже в большей степени, – сказал он. – Ведь дело этой власти куда сложнее.
- Это было бы первым величайшим недостатком олигархии.
- Видимо, так.
- А другой недостаток разве меньше этого?
- Какой же?
- Тот, что в подобном городе был бы по необходимости не один город, а два: один из людей бедных, другой – из богатых, и оба они, живя в том же самом месте, злоумышляли ли бы друг против друга.
- Да и не малый недостаток, клянусь Зевсом, – сказал он.
- Но, может быть, хорошо то, что они не в состоянии будут вести войну; ибо, принужденные пользоваться вооруженною чернью, будут бояться ее больше, чем неприятелей, либо, не пользуясь ею, сами в военное время окажутся поистине олигархами и, будучи сребролюбивы, не захотят вносить деньги.
- Это нехорошо.
- А помнишь ли, мы прежде порицали, что в таком правлении одни и те же лица занимаются многими делами – и возделывают землю, и собирают деньги, и воюют; правильно <552> ли это, по твоему мнению?
- Отнюдь нет.
- Смотри же – из всех этих зол разбираемое правление не примет ли первое следующего, величайшего?
- Какого?
- Всякому в нем позволено свое продать либо приобрести то, что продает другой; и продавший живет в городе, не будучи никаким его членом: ни делец он, ни ремесленник, ни всадник, ни тяжеловооруженный воин, но называется бедняком и бобылем.
- Несомненное зло, – сказал он.
- Ведь при олигархическом-то правлении это не возбраняется; а иначе из-за него преизобилие богатств у одних не вело бы других в крайнюю бедность.
- Правильно.
- Рассмотрим же и следующее: вот некто, будучи богачем, промотал свое достояние; велика ли от этого была польза городу? или он только казался правителем, а на самом деле был и не правитель, и не подчиненный, но расточал имеющееся уже богатство?
- Только казался, – отвечал он, – а был не кем иным, как расточителем.
- Хочешь ли, мы скажем, – спросил я, – что как в сотах трутень составляет болезнь пчелиного роя, так и этот в жизни, подобно трутню, есть болезнь города?
- И очень, Сократ, – сказал он.
- Не правда ли, Адимант, что всех пернатых трутней Бог сотворил без жала, а между пешими – одних тоже без жала, иных же с сильными жалами? И не правда ли, что те – без жала, – доживают до старости бедняками, а из снабженных жалом все, какие только есть, зовутся злыми?
- Это весьма справедливо, – сказал он.
- Стало быть, ясно, – продолжал я, – что бедные, каких видишь в городе, суть не что иное, как спрятавшиеся в этом месте воры, отрезыватели кошельков, святотатцы и мастера на всякое подобное зло.
- Ясно, – сказал он.
- Так что же? В городах олигархических ты не видишь бедняков?

- Да там бедны почти все, кроме правителей, – отвечал он.
- А не думаем ли мы, – спросил я, – что между ними много и таких, которые снабжены жалами злодеев и которых старательно, не без насилия, обуздывают правительства?
- Конечно, – отвечал он.
- И не скажем ли, что такие люди появляются там от необразованности и дурного воспитания?
- Скажем.
- Вот таким и бывает олигархический город, и такие, а может быть еще большие, заключает он в себе недостатки!
- Похоже на то, – сказал он.
- Значит, мы рассмотрели, – добавил я, – и тот вид правления, <553> которое мы называем олигархией, избирающей правителей по цензу. После этого не рассмотреть ли и подобного ему человека, как он появляется и, появившись, существует?
- Конечно, – сказал он.
- Не нижеследующим ли образом из тимократического становится он олигархическим?
- Каким?
- Рождается от него сын и сперва подражает отцу, идет по его следам; но потом видит, что отец вдруг пал, наткнувшись на город, будто корабль на песчаную мель, и растратив как свое состояние, так и самого себя, либо являясь стратегом, либо отправляя какую-нибудь другую важную правительственную должность, а затем попал под суд, где ему навредили доносчики, где он присужден был к смерти, или изгнанию, или бесчестию, и погубил тем все свое достояние.
- Очень может быть, – сказал он.
- Видя же это, друг мой, и страдая, что потерял состояние, да боясь, думаю, и за саму свою голову, сын в душе своей свергает с престола честолюбие и тягу к соперничеству и, униженный бедностью, обращается к стяжательству, скряжничает и понемногу сберегает деньги, скапливая их своими трудами. Как ты думаешь, не возведет ли этот человек свою алчность и стремление к стяжательству на престол и не будет ли почитать их как великого царя⁵⁶, не будет ли украшать их тиарой и ожерельями и не препояшет ли мечом?
- Думаю, да, – сказал он.
- А разумеется-то, и ярость, кажется мне, он бросит наземь, к ногам алчности, и поработит ей, и не позволит себе никакого другого умствования или исследования, кроме того, каким бы образом из небольших денег составить большие, равно как не станет ничему другому удивляться и ничего другого уважать, кроме богатства и богатых. Не станет ничем иным гордиться, как приобретением денег и тем, что способствует к этому.
- Никакая другая перемена, – сказал он, – не будет столь быстрой и сильной, как переход юноши от честолюбия к сребролюбию.
- Не пример ли это, – спросил я, – олигархического человека?
- По крайней мере он – вырождение человека, жившего при строе, от которого произошла олигархия.
- Посмотрим, соответствует ли он ей? <554>
- Посмотрим.
- Во-первых, не подобен ли в том отношении, что весьма высоко ценит деньги?
- Как же иначе!
- И еще в том, что скуп и деятельно суетлив, а других издержек не делает и над другими желаниями господствует, как над пустыми.

⁵⁶ То есть персидского царя: «Великий Царь» – обычное его название к греческих текстах.

– Без сомнения.

– Это – человек какой-то грязный, – продолжал я. – Из всего он выжимает прибыль, выковыривает сокровище; а таких-то и хвалит чернь. Так не походит ли он на олигархическое правление?

– Так мне по крайней мере кажется, – отвечал он. – В городе великою честью пользуются деньги – и у него тоже.

– Потому, думаю, – добавил я, – он не заботился об образовании.

– Вероятно, – сказал он, – иначе над хором своих страстей он не поставил бы слепого вождя⁵⁷.

– Хорошо, – сказал я. – Но смотри вот еще на что: не говорим ли мы, что в нем от необразованности появились склонности трутня – одни нищенские, а другие злодейские, обуздываемые только одной предосторожностью?

– Появились, – сказал он.

– А знаешь ли, – спросил я, – на что взирая, ты увидишь их злодейство?

– На что?

– На то, как они пекутся о сиротах, и на что-нибудь, если случится, подобное, что давало бы им полную власть наносить обиды.

– Твоя правда.

– Не ясно ли и то, что такой человек при иных обстоятельствах, когда ему надобно казаться справедливым, сдерживает прочие дурные свои стремления при помощи усилия остатков добронравия, – но не потому, что они нехороши, и подчиняясь не уму, а необходимости и страху, так как дрожит за свое имущество.

– Так и есть, – сказал он.

– Клянусь Зевсом, друг мой, – продолжал я, – что ведь во многих из них, когда надобно потратиться за чужой счет, ты найдешь стремления, сродные трутню.

– И очень во многих, – сказал он.

– Следовательно, этот человек раздираем в самом себе тревогами; он – не един, а раздвоен, одни стремления обуздываются другими, по большей части худшие – лучшими.

– Так.

– Посему-то он будет, думаю, иметь наружность благовиднее, чем у многих, тогда как истинная добродетель согласной с собой и благонамеренной души будет вдалеке от него.

– Мне кажется, так.

– Кроме того, скупец – худой товарищ и в случае, если в городе организовано состязание ради победы, либо в случае другого, требуемого честолюбием похвального дела. Он не хочет ради славы и всего подобного тратить деньги, боясь пробудить в себе страсть расточительности и сделать <555> ее союзником в честолюбивых устремлениях. Поэтому и войну он ведет по-олигархически, жертвуя на нее немного, поэтому с одной стороны чаще всего терпит поражение, зато с другой – богатеет.

– И даже очень, – сказал он.

– Так будем ли еще сомневаться, – спросил я, – что скупец и алчный получает эти свойства по подобию города олигархического?

– Не будем, – отвечал он.

– После этого, как видим, надобно рассмотреть демократию, каким образом она происходит и, произойдя, какого возвращает в себе гражданина, чтобы, узнав его свойства, и о нем также произнести нам свое суждение.

– Этот ход, – сказал он, – по крайней мере был бы у нас подобен прежнему.

⁵⁷ Имеется в виду бог богатства Плутос. В одноименной комедии знаменитый современник Сократа Аристофан вывел его слепым, а потому наделяющим людей богатством не по заслугам.

– Не таким ли образом, – спросил я, – совершится изменение правления из олигархического в демократическое, если оно будет происходить при посредстве убеждения в том, что благо – быть сколько можно богаче?

– Каким образом ты это понимаешь?

– Думаю, что действующие в городе правители с целью приобрести больше не хотят юношей, живущих распутно, обуздывать законом и не запрещают им расточать и губить свое состояние, имея намерение забирать в залог их имущество и потом под проценты давать им ссуду, чтобы сделаться еще богаче и почитаемее⁵⁸.

– Конечно, именно так!

– А отсюда не ясно ли уже, что в таком городе граждане не могут вместе и уважать богатство, и заботиться о своей рассудительности, но по необходимости не будут радеть либо о том, либо о другом?

– Конечно, – сказал он.

– От нерадения же об этом и от поблажки распутству при олигархическом правлении иногда принуждены бывают вести жизнь в бедности не только неблагоприятные люди.

– Да и часто.

– Так вот, думаю, и сидят они в городе, вооруженные жалами – одни как обремененные долгами, другие как лишенные чести, а иные угнетаемые обоими видами зла, – и, питая ненависть и строя козни против людей, завладевших их именем, да и против всех остальных, задумывают восстание.

– Правда.

– Между тем ростовщики-то, погрузившись в свои расчеты, по-видимому, и не замечают этого, но, всегдашнею ссудою нанося раны тому, кто приходит просить денег, и обременивая должников увеличенными процентами, будто порождением капитала-отца разводят в городе множество <556> трутней и нищих.

– И еще какое множество! – сказал он.

– Да и тут-то не хотят они погасить такое жгучее зло – не запрещают всякому употреблять свое имущество, на что он хочет; и это опять-таки не решается особым законом, который устранил эту беду иным законом...

– Каким это законом?

– Тем, который после первого второй, а именно – законом, принуждающим граждан заботиться о добродетели. Ведь если бы тому, кто совершает с кем-либо сделки произвольно, предписывалось совершать их на свой страх и риск, то стремление к наживе в городе происходило бы с меньшим бесстыдством и меньше было бы в нем таких зол, о каких мы сейчас говорили.

– Именно так! – сказал он.

– А теперь-то, – продолжал я, – городские правители не так ли настроили и подвластных им, и самих себя со своими детьми, что юноши у них ведут разгульную жизнь и не трудятся ни для тела, ни для души. Они стали слабы и ленивы и не имеют выдержки ни в удовольствиях, ни в скорби.

– Как же иначе?

– Сами же они, занимаясь только наживой, вовсе не радуют о других и не больше заботятся о добродетели, чем бедняки.

– Конечно не больше.

– Если так настроенные правители и управляемые сходятся между собой или во время путешествий, или при других случаях общения, например по случаю народных игр либо

⁵⁸ Состояния очень многих афинских, милетских, а позже и римских ростовщиков было создано именно на процентах от ссуд, которые они давали молодым аристократам.

военных походов, или в совместном плавании, или будучи соратниками на войне, или наблюдая друг за другом среди опасностей – ни в каком подобном случае бедные не презираются бедными: напротив, когда изможденный и загорелый нищий, нередко стоя в сражении подле богача, вскормленного под тенью и носящего много чужой плоти⁵⁹, видит, как этот богач задыхается и чувствует затруднительность своего положения; тогда не приходит ли, думаешь, на мысль ему, что эти люди богатеют только по причине дурных своих качеств и, находясь один на один с другим, не говорит ли о нем: наши господа ничего не стоят.

– Я-то хорошо знаю, – сказал Адимант, – что они так и делают.

– Но как болезненное тело страдает, едва лишь слегка дотронешься до него, а иногда возмущается и без внешних причин, не так ли болеет и борется сам с собой подобный ему город. Тогда, по малейшему поводу, являются извне союзники: для одних – из олигархического, для других – из демократического полиса. Нередко возмущение возникает даже без внешних побуждений.

– Да и часто.

– Итак, демократия <557> происходит, думаю, когда бедные, одержав победу, одних убивают, других изгоняют, а прочим вверяют власть поровну. Притом начальствование в ней раздается большей частью по жребию⁶⁰.

– Да, именно так и устанавливается демократия, – сказал он, – происходит ли это силой оружия или путем удаления противоположной партии, гонимой страхом.

– Каким же образом живут эти города? – спросил я. – И в чем опять же состоит такой государственный строй? Ведь ясно, что человек, соответствующий ему, окажется демократическим.

– Ясно, – согласился он.

– Не правда ли, что, во-первых, они свободны, что город их пользуется полной свободой и открытостью и всякий в нем имеет волю делать что хочет.

– Говорят, что так, – сказал он.

– А где это дозволено, там, очевидно, каждый может устраивать свою жизнь по-своему, как ему нравится.

– Очевидно.

– Но при таком государственном устройстве люди, думаю, будут очень различны.

– Как же иначе!

– Оно, должно быть, прекраснейшее из видов устройства полиса, – добавил я. – Как пестрое платье, испещренное всевозможными цветами, так и оно, разукрашенное всеми нравами, будет казаться прекраснейшим.

– Почему бы и не так, – сказал он.

– Может быть, и толпа тоже, – продолжал я, – равно как дети и женщины, засматривающиеся на пестроту, будут находить его прекраснейшим.

– Конечно, – сказал он.

– И при нем-то, почтеннейший, – заметил я, – можно избрать пригодный государственный строй.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что оно, благодаря произволу, включает в себе все роды правлений, и кто желает устроить город, как это теперь делали мы, тому, должно быть, необходимо, прийдя в демо-

⁵⁹ Вместе с Вл. Соловьевым нужно согласиться, что здесь речь идет не столько о жирке богача, сколько о том, что плоть его создана не его собственным трудом, а на деньги, полученные от труда других. Именно поэтому говорится ниже, что «богач задыхается»: он как бы не может справиться с чужой плотью.

⁶⁰ Интересно сравнить античное понимание демократии с тем, которое внедряется в наше сознание начиная с XVIII века.

кратический полис, будто в магазин, где торгуют видами государственного строя, выбрать форму, какая ему нравится, и, выбрав, ввести ее у себя.

– В самом деле, в образчиках там недостатка не будет.

– В таком городе, – продолжал я, – нет тебе никакой надобности управлять, хотя бы ты был и способен к этому, равно как и быть управляемым, если не хочешь: нет тебе надобности ни воевать, когда другие воюют, ни хранить мир, когда другие хранят, как скоро сам не желаешь мира; и если бы опять какой-нибудь закон препятствовал тебе управлять или заседать в суде, ты тем не менее можешь управлять и судить, <558> когда это пришло тебе в голову. Такой образ на первый взгляд не есть ли это образ жизни богоподобной и приятной?

– На первый взгляд да, – сказал он.

– Что еще? Не удивительна ли в нем и кротость с некоторыми осужденными? Не видел ли ты, как при таком правлении люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и ходят открыто, и никто не заботится об этом, никто и не смотрит, какими выступают они героями?

– Да и многих видел, – сказал он.

– И это снисхождение есть никак не мелкая черта такого рода правления, а презрение к тому, что мы, как было у нас говорено при основании нашего государства, считали важным. Если некто, говорили мы, не имеет необыкновенно высокой природы, тот не может быть добрым человеком; ведь он в детстве не упражнялся с прекрасным и не занимался всем подобным. Между тем демократия величественно попирает подобные правила и нисколько не заботится, от каких занятий некто перешел к делам политическим, но удостаивает его выбора, лишь бы только доказал он, что пользуется благосклонностью народа.

– Да уж, действительно благородная снисходительность! – сказал он.

– Такие-то и другие подобные этим преимущества, – добавил я, – может иметь демократия: государственный строй, как видно, приятный, не имеющий надлежащей власти и пестрый, но сообщающий равенство людям равным и неравным.

– Именно так, – сказал он. – Это – дело известное.

– Рассуди же, – продолжал я, – как этот характер отражается в отдельном лице. Не рассмотреть ли нам его сперва, как рассматривали мы само государственное устройство, то есть каким образом оно возникает?

– Да, – сказал он.

– А не происходит ли оно вот каким образом? Некто мог быть сыном того скупца и олигарха, воспитанным в согласии с нравом своего отца.

– Почему бы и нет?

– Стало быть, и этот насилем господствовал над всеми своими стремлениями, которые расточают, а не собирают, и также не считал их необходимыми.

– Явно, – сказал он.

– А хочешь ли, – спросил я, – чтобы не разговаривать впотьмах, мы сперва определим стремления необходимые и не необходимые?

– Хочу, – отвечал он.

– Не те ли стремления по справедливости называются необходимыми, которые мы отвратить не в состоянии и, во-вторых, удовлетворение которых полезно для нас? Ибо первые и последние внушаются нашей природе необходимостью. Не так ли?

– Конечно.

– Стало быть, мы по отношению их скажем правду, что они <559> необходимы.

– Правду.

– И что же? А те, от которых человек может избавиться, одумавшись с молодых лет, тем более что они не делают ничего доброго, а некоторые из них делают даже дурное: если все эти мы назовем лишними необходимыми, не верное ли дадим им название?

- Верное.
- Так возьмем какой-нибудь пример тех и других, чтобы дать им общий образец, каковы они.
- Да, это надобно сделать.
- Потребность есть, сколько требуют того здоровье и рост, – потребность в хлебе и вареве не необходима ли?
- Думаю, да.
- Потребность в хлебе необходима по обеим причинам: он и полезен, и не может прекратиться, пока человек жив.
- Да.
- Вторая же [потребность в вареве] по крайней мере доставляет некоторую пользу для роста.
- Без сомнения.
- Но что, если желание простирается далее этих кушаний – к другим, разнообразнейшим; будучи с детства очищаемо и воспитываемо, оно у многих может пройти; если же этого не случилось, то оно бывает вредно как для тела, так и для души, особенно по отношению к ее разумности и рассудительности. Не правильно ли будет назвать такую потребность его не необходимой?
- Весьма правильно.
- Так не назвать ли нам желания этого рода разорительными, а те, коль они полезны для дел, сберегающими?
- Почему бы не назвать!
- Не то же ли скажем о желаниях любовных и о других?
- То же.
- Стало быть, и о том, кого недавно назвали трутнем? Ведь мы говорили, что он водится именно с такими удовольствиями и находится под властью стремлений не необходимых, тогда как человек бережливый и олигархический удовлетворяется одним необходимым.
- Конечно.
- Теперь скажем опять, – продолжал я, – как из олигархического человека происходит человек демократический. Рождение его большей частью совершается, по-видимому, следующим образом.
- Каким?
- Когда юноша, вскормленный, как мы недавно говорили, без воспитания и в скупости, попробует меду трутней и сроднится с нравами зверскими и дикими, способными возбуждать в нем разнообразные, разнородные и всячески проявляющиеся удовольствия; тогда-то, почитай, в нем начинается изменение из олигархического состояния в демократическое.
- Весьма похоже на то, – сказал он.
- Как в городе происходит переворот, когда приходит к нему помощь с другой, внешней стороны – помощь со стороны единомышленников, – не так ли изменяется и юноша, если помогают ему известного рода стремления, привзошедшие извне: от другого, но сродные и подобные стремлениям его собственным?
- Без сомнения, так.
- А коль скоро этой помощи, думаю, противопоставляется другая – со стороны олигархической его части, например со стороны его отца или иных родственников, что обнаруживается внушениями и выговорами, <560> то, конечно, происходит в нем восстание и противоборство – сражение с самим собою.
- Именно так!

– И демократическое расположение иногда, думаю, отступает от олигархического; так что из вожделий одни расстраиваются, а другие, после возбуждения стыда в душе юноши, изгоняются.

– Да, иногда бывает и так, – сказал он.

– Потом, однако же, из изгнанных стремлений иные, родственные с невежественным воспитанием отца, будучи подкармливаемы последним, снова, думаю, растут и становятся сильными.

– В самом деле, – сказал он.

– Тогда они увлекают юношу к прежнему сообществу и, лелеемые тайно, размножаются.

– Несомненно.

– А наконец, почуяв, что в акрополе юношеской души⁶¹ нет ни наук, ни похвальных занятий, ни истинных рассуждений, которые бывают наилучшими стражами и хранителями лишь в рассудке людей, любезных богам, – овладевают им.

– Несомненно.

– И место всего этого занимают, думаю, сбежавшиеся туда лживые и надменные речи да мнения.

– Непременно, – сказал он.

– Поэтому не пойдет ли он снова к тем лотофагам⁶² и не будет ли жить между ними открыто? А если к бережливой стороне души его придет помощь от родных, то надменные те речи, заперши в нем ворота царской стены, даже не допустят этой союзной силы и не примут посланнических слов, произносимых старейшими частными людьми, но при помощи многих бесполезных вожделий сами одержат верх в борьбе и, стыд называя глупостью, с бесчестьем вытолкают его вон и обратят в бегство, а рассудительность, именуя слабостью и закидывая грязью, изгонят, равно как умеренность и благоприличную трату удалят, будто деревенщину и низость.

– Непременно.

– Отрешив же и очистив от этого плененную ими и посвящаемую в их великие таинства душу, после сего они уже торжественно, с большим хором, вводят в нее наглость, своеволие, распутство и бесстыдство. И все это у них удостоено почитания, все это они нахваливают и называют прекрасными именами: наглость – образованностью, своеволие – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством. Не таким ли образом, – спросил я, – юноша из вскормленного <561> в необходимых желаниях изменяется в освобожденного и отпущенного под власть удовольствий не необходимых и бесполезных?

– Именно таким, – сказал он. – Это очевидно.

– После этого он расстрачивает и деньги, и труды, и занятия уже не столько для удовольствий необходимых, сколько для не необходимых. Но если, к счастью, вакхический разгул его не дошел до крайности, если, дожив до лет более зрелых, когда смятение стихает, он принимает сторону желаний изгнанных и не всецело предался тем, которые вошли в него, то жизнь его будет проходить среди желаний, не нарушая определенного равновесия: он будет отдавать над собою власть удовольствию, полученному как бы по жребью, пока не насытится, а потом – другому, и не станет пренебрегать некоторым, но постарается питать все одинаково.

– Конечно.

⁶¹ То есть в высшей, разумной части души.

⁶² *Лотофаги* (греч. «пожиратели лотоса») – африканское племя, которое угощало всех странников плодами лотоса, и эта пища была так сладка, что они забывали об отчизне.

– Когда же сказали бы, – продолжал я, – что одни удовольствия проистекают из желаний похвальных и добрых, а другие – из дурных, и что первые надобно принимать и уважать, а вторые – очищать и обуздывать, – этого истинного слова он не принял и не пустил бы в свою крепость, но при таких рассуждениях, отрицательно покачивая головою, говорил бы, что все удовольствия равны и должны быть равно уважаемы.

– Непременно, – сказал он. – Кто так настроен, тот так и делает.

– Не так ли он и живет, – продолжал я, – что каждый день удовлетворяет случайные стремления? То пьянствует и услаждается игрою на флейте, а потом опять довольствуется одной водою и измощает себя; то упражняется, а в другое время предается лени и ни о чем не радеет; то будто занимается философией, но чаще вдается в политику и, вдруг вскакивая, говорит и делает, что ему придет в голову. Завидуя людям военным, – он идет туда; а как скоро загляделся на ростовщиков, – является между ними. В его жизни нет ни порядка, ни закона: называя ее приятной, свободной и блаженной, он пользуется ею всячески.

– Без сомнения, – сказал он, – ты описываешь жизнь человека, живущего при равенстве законов.

– Думаю, – продолжал я, – что этот человек разнообразен и исполнен чертами весьма многих характеров; он прекрасен и пестр, как тот город: иные мужчины и женщины позавидовали бы его жизни, имеющей в себе многочисленные образцы государственных устройств и нравов. <562>

– Конечно.

– Предположим ли, что такой человек, описанный нами по образцу демократии, может действительно быть назван демократическим?

– Предположим, – сказал он.

– Теперь остается нам исследовать превосходнейший государственный строй и превосходнейшего человека: это – тирания и тиран.

– Точно, – сказал он.

– Хорошо; так каким же образом, любезный друг, возникает тирания? Что она рождается из демократической – это почти очевидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.